

СМЕНА

23

1949

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ВОЖДЬ, УЧИТЕЛЬ И ДРУГ

«Примите, товарищ Сталин, слова большой любви, беззаветной преданности и сердечной благодарности за отеческую заботу и внимание, которое вы оказываете комсомолу и всей советской молодежи».

С такими словами обратился XI съезд ВЛКСМ к вождю народов, учителю и другу советской молодежи товарищу Сталину.

Безмерна любовь советской молодежи к своему вождю. Большевистской партии, родному Сталину глубоко признательна она за неустанную заботу о ее счастье. Для советских юношей и девушек нет большей радости, большей награды, чем заслужить похвалу дорогого учителя и великого друга.

Имя Сталина—символ мужества, символ славы советского народа, призыв к новым героическим делам на благо нашей великой Родины.

Имя Сталина носят в своем сердце юноши и девушки страны социализма, пионеры и пионерки. Самая заветная их мечта—быть, как Ленин, как Сталин, быть политическими деятелями ленинско-сталинского типа.

В славный день рождения родного товарища Сталина комсомольцы и комсомолки, юноши и девушки необъятной нашей страны от всего сердца повторяют слова благодарности великому вождю, сказанные в письме И. В. Сталину от XI съезда ВЛКСМ:

«Спасибо, сердечное спасибо Вам, родной товарищ Сталин, за повседневную, отеческую заботу о молодом поколении страны социализма.

Горячо, от всей души желаем Вам, любимый товарищ Сталин, доброго здоровья на радость и счастье советскому народу, на благо всего прогрессивного человечества!»

Нас вырастил Сталин—
на верность народу,
на труд и на подвиги
нас вдохновил.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и
общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ.
Декабрь. № 23. 1949 год

Год
издания
26-й

Михаил ИСАКОВСКИЙ

СЛОВО К ТОВАРИЦУ СТАЛИНУ

Оно пришло, не ожидая зова,
Пришло само, — и не сдержатъ его...
Позвольте ж мне сказать Вам это слово,
Простое слово сердца моего.

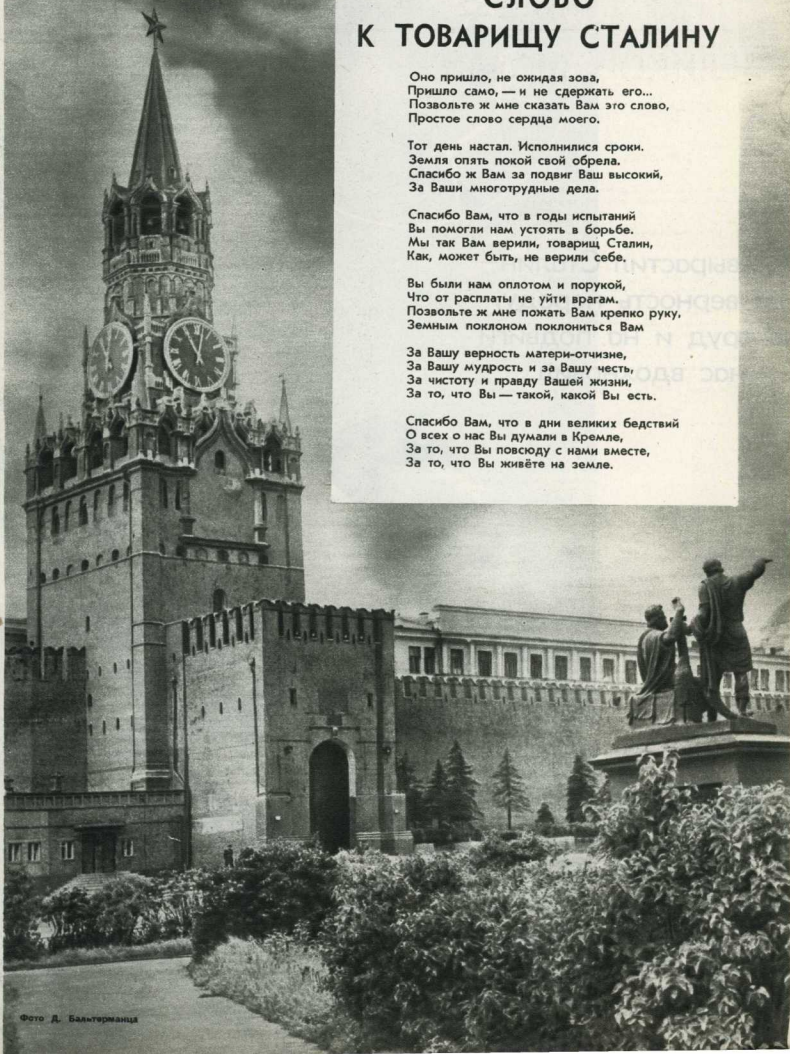
Тот день настал. Исполнились сроки.
Земля опять покой свой обрела.
Спасибо ж Вам за подвиг Ваш высокий,
За Ваши многотрудные дела.

Спасибо Вам, что в годы испытаний
Вы помогли нам устоять в борьбе.
Мы так Вам верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе.

Вы были нам оплотом и порукой,
Что от расправы не уйти врагам.
Позвольте ж мне пожать Вам крепко руку,
Земным поклоном поклониться Вам

За Вашу верность матери-отчизне,
За Вашу мудрость и за Вашу честь,
За чистоту и правду Вашей жизни,
За то, что Вы — такой, какой Вы есть.

Спасибо Вам, что в дни великих бедствий
О всех о нас Вы думали в Кремле,
За то, что Вы повсюду с нами вместе,
За то, что Вы живёте на земле.

В ЗНАК ВЕЛИКОЙ ЛЮБВИ

Когда в жизни коллектива советских людей происходит какое-нибудь торжественное и значительное событие, первое слово радости и любви неизменно бывает обращено к человеку, чья имя является символом жизни, свободы и мира, — к великому Сталину. Такие обращения стали прекрасной традицией в нашей стране, в стране, где впервые в истории человечества народ сделался хозяином своей судьбы, творцом своего счастья.

«Москва, Кремль, товарищу Сталину».

По этому адресу летят телеграммы и письма в столицу нашей Родины из всех уголков необъятной советской земли. Люди разных национальностей и разных профессий, объединенные одним высоким чувством советского патриотизма, шлют товарищу Сталину свои подарки. Шлют от чистого сердца, шлют, как сыновья и дочери родному отцу. Нельзя без волнения глядеть на эти драгоценные дары народа.

В залах Музея революции СССР, где собраны присланные Иосифу Виссарионовичу подарки, я видел старую, седую женщину, которая укрядкой вытирает слезы. Она, разумеется, помнит юркую, тужильную жизнь в царской России. Она, вероятно, своей собственной рукой благословляла сыновей на Великую Отечественную войну... Она прожила

много лет и знает цену человеческому горю и человеческому счастью. И вот она плачет от радости.

В залы Музея входящих с благоговением. В тяжёлом сафьяновом переплете книга отзывов и впечатлений посетителей. В ней сотни записей на разных языках.

Пламенная преданность народа своему вождю запечатлена в каждом подарке, бережно и любовно сделанном простыми советскими людьми.

История развития и расцвета нашего народного хозяйства встает перед глазами, когда проходишь мимо экспонатов, присланных коллективами заводов, колхозов, научно-исследовательских учреждений.

Электромотор от рабочих Харьковского электромеханического завода. Письменный прибор из Элевстура. Коллекция минералов, собранные Институтом геологии. Образцы синтетического каучука. Модели танков, самоходок, минометов, артиллерийских орудий, паровозов, турбин.

А рядом с ними сафет от девушки Белоруссии, полотенце, вышитое столетней казавской женщиной, рисунок шестиклассника Коли Чечуйки, буфет из Ар-

Модель миномета — подарок от Краснознаменного Балтийского Флота.

В залах Музея революции, где выставлены подарки вождю народов товарищу И. В. Сталину, каждый день бесконечным потоком проходят тысячи посетителей. На сцене: экскурсовод Музея И. В. Зорь. Зорь знакомит молодежь с экспонатами.

Фото Г. Ворникова

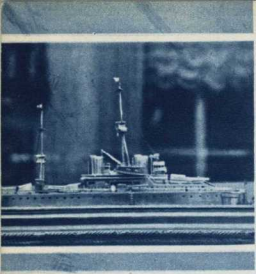
мени, сделанный любителем резьбы по дереву, коврик от учеников неполной средней школы Хабаровского края, барельеф из слоновой кости, вырезанный инвалидом Отечественной войны.

Огромное, волнующее чувство, с каким делались народные подарки, передаётся каждому, кто приходит в залы Музея.

Посетители долго задерживаются у простого портсигара, вырезанного из куска пластмассы. Мы видели много таких портсигаров на фронте. Их делали из материала, снятого со сбитых фашистских самолётов. Эти портсигары наши солдаты и офицеры дарили друзьям и однополчанам. И вот, как торжество солдатской дружбы, лежит этот скромный подарок в Музее. На красной ленточке надпись: «От всей души, от солдатского сердца — за победу — Генералиссимусу от солдата Великой Отечественной войны». А рядом письмо: «В коробочке этой нет золота и драгоценностей. В ней любовь русского солдата к своему предводителю — Генералиссимусу Сталину. Принимте мой подарок от солдата Великой Отечественной войны. Писал, как думал. Делал, как мог. Гвардии старшина И. А. Никольский».

В декабре 1946 года воспитанник минского детдома двенадцатилетняя Нела Гербова прислала вышитый портрет товарища Сталина. Нела пишет:

«Дорогой Иосиф Виссарионович! Сегодня самый счастливый день в моей жизни. Сбывалась заветная мечта: я составила, что могу подарить Вам то, что так кропотливо и любовно вышивала для Вас. Я всегда надеялась, что научусь ашишивать так, чтобы суметь вышить Ваш портрет. С восторгом и радостью следила я, как под моими руками всё больше и больше вырисовывались Ваши дорогие черты. Принимте же, дорогой и любимый учитель и отец, Иосиф Виссарионович, в день Вашего рождения скромный подарок и пожелания Вам сил и здоровья на многие годы. Мои отец и мать убиты немецкими фашистами, но моя дорогая Советская Родина и Вы, Иосиф Виссарионович, позаботились обо мне: я обрела новую семью — детский дом, который стал для меня родным

домом. Обещая Вам ещё лучше учиться, чтобы вырасти достойной дочерью нашей любимой Родины. С искренним уважением.

И мы верим: Нелу станет художником или учителем, инженером или врачом, потому что все дороги к знаниям широко открыты в нашей стране.

Инженер лесоза Саратовской области А. Дубинский прислал Берельефу с изображением товарища Сталина на фоне Кремля. Он пишет: «В тишине леса, на берегу красавицы-Волги, в скупые часы своего досуга трудился я над куском берёзы, думая о Вас...»

Пусть сохранит навеки история эти драгоценные слова простых советских людей. Пусть будущие историки, художники, поэты обратятся к ним, чтобы правдиво рассказать о том прекрасном чувстве, которое вдохновляло и старшину Никольского, и двенадцатилетнюю Нелу, и инженера Дубинского.

Любовь к Сталину постоянна повсюду. В залах Музея мы находим письма и подарки, присланные Иосифу Виссарионовичу из-за рубежа трудящимися различных наций, людям, которые видят в товарище Сталине своего вождя, друга и учителя.

Пятьдесят пять объёмистых томов в тёмноокрашенных с проворными переплётами хранятся в Музее. Это — приватная болгарская книга своему освободителю, великому Сталину.

Сотни трогательных посланий присланы из стран народной демократии. Письма на польском, чешском, болгарском, румынском и многих других языках. Грамоты от избранных товарища Сталина почётными гражданами городов. Модели новых станков от чехословацких рабочих. Корки, вышитый рушник варшавских учащихся. Бокал от восьмидесятилетнего пражского бондаря Вацлава Янеше.

С особым чувством читается сегодня слова приветствия, принятые четыре года назад на многотысячном митинге в Китае:

«Великий Сталин! Вы — спаситель угнетённых! Будем бороться вместе с советским народом за освобождение народов мира, за вечный мир во всём мире». Рядом портрет Мао Цзе-дун с автографом:

«Нашему вождю товарищу Сталину от Мао Цзе-дуна».

«Сталин — это свобода. Сталин — это мир. Сталин — это счастье».

Это пишут жители Северной Кореи, посылая найденную в раскопках древнюю корейскую вазу. Это пишут канадские женщины, посылая вязаный свитер. Это пишут английские рабочие, посылая трубку и кисть. Это пишут австралийские солдаты и грузины из боямба.

Тростя, присланная из Южной Африки. Негр Чайлольд Джонсон обращается к И. В. Сталину, как к другу и отцу:

«Пусть эта маленькая вещица напоминает Вам, наш дорогой отец и вождь, что и наш народ, как и все народы мира, Вас любит и чувствует к Вам глубокую благодарность».

А рабочий с острова Кубы посылает модель герба Советского Союза. И мы понимаем этого далёкого друга без слов. Мы ждём его честную трудовую руку.

Из залов Музея выходим, взвонившим.

Вот она, великая любовь, которая рождает героев, строит города, переделывает мир.

Вот она, великая сила, сломившая фашистские орды и спасающая человечество от гибели.

Вот она, великая правда, которая выиграет мир так же, как она выиграла войну.

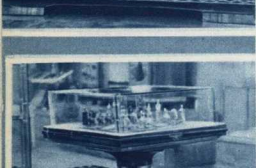
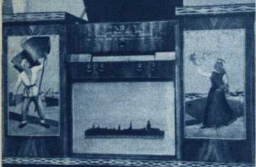
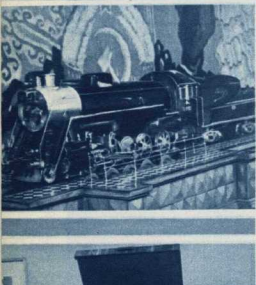
Вот она, весна нашей планеты, прекрасный закатный день, вера и надежда всех честных людей Земли.

Величайшее счастье — жить в солнечную сталинскую эпоху. Величайшее счастье — творить во имя великих целей, к которым победоносно шагает наш народ. Величайшее счастье — иметь право поставить и своё имя под взвонившим и гордым словом любви и преданности, под боевым рапортом, озвучиваемым всем нам знакомой и такой дорогой лаконичной фразой:

«Москва, Кремль, товарищу Сталину».

На снимках — подарки И. В. Сталину.

Сверху вниз: модель военного корабля — от местной организации коммунистической партии завода «Машин» (Венгрия); модель паркета из коллонтажа Машиностроительного завода имени В. Н. Куйбышева (г. Коломна); радиола — от комсомольцев г. Риги; шахматный столик и два ириса — от коллонтажа завода «Пароботы» (Московская область); питюкочная звезда и роза на броне — от рабочих города Озд (Венгрия).

ОСУЩЕСТВЛЕННАЯ МЕЧТА

Когда теперь оживляются мысленный взором путь, пройденный Советским Союзом, то в памяти всплывают такие события, как пуск Угличского-Сибирского железнодорожного и Днепровской гидроэлектростанции, девяти Ленна, первые планы магнитороссы, дамы и открытие надела имени Москвы, спасение чехословацкой и полет советских детей через Северный полюс в Америку.

Наша память поднимает ещё тысячи не менее важных и героических дел народа-творца и победителя. Но 5 декабря 1936 года, когда в Конституции, — это один из самых главных, самых памятных дней.

Сталинская Конституция, закрепив законодательные порядки успеха советского народа во всех областях жизни, архаичности его на мирностранической победе советского народа в Великой Отечественной войне и его доблестный труд в послевоенном восстановлении и строительстве глубоко и прочно связаны с великими сталинскими законами Советской Конституции.

Юности и девушек страны социализма — полновластные граждане СССР.

Сталинская Конституция открыла перед нами мир бесконечных возможностей, мир свободы, мир свободы труда и творчества. Право на труд, право на отдых, право на образование — священные, неизбывные права — гарантированы всем строкам нашей жизни.

Фотографии, которые помещены на страницах Конституции, рассказывают о жизни обманов нашей жизни, о жизни Валентины Решетовой.

Шесть лет тому назад, во время Великой Отечественной войны, она осталась сиротой. Но четырнадцатилетняя девушка работала в армии. И сейчас, в свои двадцать три года, комсомолка Валентина Решетова имеет не только специальность, но и работу: после окончания ремесленного училища Вали работает техником на Люберецком заводе имени Ухтомского. Поступив в этом году на I-й курс Физико-математического факультета Московского университета, она поступила на путь осуществления самого заветного своего желания — стать литературоведом. И кто может сомневаться в том, что это желание её сбывается? Вали уверена в будущем, как уверены в нём её подруги и друзья, как уверены в нём все работники миллионной советской молодёжи.

Говорят, что осуществленная мечта не является уже таинственной и яркой. Не могу я с этим согласиться — счастье, которое в разговоре с подругами Вали Решетовой. В нашей стране мечты легко превращаются в реальность. И потому, что никто не унывает на достигнутом, а все идут всё время вперёд, мечты наши всегда сбываются.

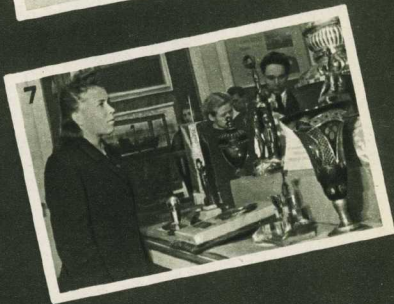
Советские юноши и девушки воспитываются в замечательно чистой и благородной атмосфере всеобщей дружбы и признания. В стране, где окончательно уничтожены расовая дискриминация и классовый антагонизм, где каждому предоставляется широкое поле деятельности, а права его надёжно охраняются законом, — в Советской стране мы росли уже не одно поколение счастливых молодых людей, смелых, мужественных, не боящихся трудностей, храбрых воинов и прекрасных труженников. Они росли под солнцем Конституции, которую наш народ назвал Сталинской — по имени её творца и вдохновителя, великого и мудрого Сталина.

Законодатель Советского народа, записанные в Сталинской Конституции, открывают ещё в дальнейшем движение вперёд. В ней, в нашей Конституции, не только слава и счастье нашего государства, но и видны и наше завтра — ещё более прекрасное и радостное.

ПОД СОЛНЦЕМ СТАЛИНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

На снимках: 1. Техник Люберецкого завода имени Утманского Валия Решетова за работой. 2. Валия заглянула ремесленное училище № 10 в Люберцы четыре года тому назад. Но и сейчас она частый гость в училище. 3. Решетова — агитатор. Сегодня она рассказывает молодым работницам Кате Ниловой и Вале Бородинной о Народной республике Китая. 4. Студентка Московского государственного университета имени Ломоносова Валия Решетова беседует с проректором университета В. П. Рожинным.

На снимках: 5. Клава Лазарева и Мария Дежина — комсомолки-токари завода имени Ухтомского — подруги Вали по расчистке улиц. 6. Эта фотография дорога Вали Решетовой. В этом здании МГУ она занимается вечерами без отрыва от производства. 7. Вали Решетова на выставке ЦК ВЛКСМ «Ленинско-Сталинский комсомолец рассматривает подарки молодежи Советского Союза от демократической молодежи зарубежных стран. 8. В заводском общежитии, где живет Валентина Решетова.

Фото А. Становова

...ТО, О ЧЕМ МЕЧТАЛИ И ПРОДОЛЖАЮТ МЕЧТАТЬ МИЛЛИОНЫ ЧЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ, — УЖЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО В СССР.

И. СТАЛИН

Сквозь бури

Рассказ

И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов и К. К. Рокоссовский на оборонительных рубежах под Москвой (1941 год). С рисунка К. Финигонова.

Темнота сомкнулась тут же, в двух шагах от подъезда. В непогоде чернота ноябрьского вечера простиралась опустевшая площадь. Час был не хороний: в это время обычно заунывный, ноющий звук звоничивался в темноту обесцвеченных улиц, возмущала воздушную тревогу. Где-то в вышине, словно странная театральная луна, плавало синее пятно запечатлевшейся в зрачках маскировочной лампочки. Дожидался в заводском вестибюле машины, Северцев долго, не отрываясь, глядел на мертвенный, едва разговнивший сумрак свет.

Машины, которая должна была его отвезти, ещё не было. Теперь стало видно, что по асфальту площади метёт первый сухой снежок. Ноябрь. Зима на подходе. Она уже возле города, на подмосковных полях, где в пустующих дачах и санаториях встречаются немцы русской зиме. Северцев прикрыл на минуту глаза, стараясь представить себе расстояние, на котором находится немец от города. У Белорусского вокзала весь день сияли слепящие сиреневые огни электросварки: попереб улицы ставили железные крестовины и надолбы. Настороженная тишина вечера, первый сухой снежок, Москва в прифронтовой темноте и безмолвии, только небо вздрагивает по временам от нерывческих зальных зарниц: может быть, от искр, которые роняет трамвай, или от дальних всплеск зенитных орудий. Глаза постепенно освоились. Вечер оказался не чёрным, а голубым, как всегда, когда выпадает снег. На площади возле грузовика со сверкающими зенитными пускателями телелась огненная папироска. По улице движутся аэды, уже примыкшие к темноте, к спискам маскировочным лампочкам, к очередному ноющему звуку тревоги. Машина подъехала к подъезду.

— Извините, товарищ Северцев... никак сразу не заведёшь. Вы давно?

— Да, уже минут двадцать.

Он сел рядом с шофёром. Они ехали минуту молча. Лицо девушки, сменившей призывного в армию водителя, было напряжённо, машина едва двигалась вдоль побоейной обочины тротуара.

— Досаждаю вам, Клава, — сказал Северцев сочувственно.

— Не говорите. Все глаза, наверное, за войну вымотались. А может, и выжить-то не придётся, — добавила она горько. — Вы извините, товарищ Северцев, конечно, наше дело маленькое, что мы можем знать? А ведь немцы-то уже возле Сходни. Что к тут остаётся? Я до Сходни за полчаса добиралась. У нас в Тарасовке немцы летят с самолёта бросали: к 15 ноября ждите, мол, нас в Москве. Конечно, все понимают: это их агитация — врёт летитки. А всё-таки, как, отобьём?

Она замолчала, как бы устыдившись своего малодушия. Северцев достал портсигар и долго разминал в темноте папиросу. Что же, мог ли он осудить эту девушку, когда сам, дожидаясь машины, мысленно прикидывала расстояние, отдающее немцев от города? Сколько раз к нему, который должен знать больше других, обращены были испытующие взгляды рабочих. «Ну, как? Ты директор, ты должен знать, — казалось, вопрошали они. — Что под Москвой? Когда же начнём наступать?»

— Москвы не сдадим, — ответила он наконец, так и не закурил папироски. — Нет, Москвы не сдадим.

Девушка ничего не ответила и только вздохнула: она видела перед собой Ленинградское шоссе и эти несколько десятков километров до Сходни.

— По Садовому поедём? — спросила она.

— Всё равно... как хотите. Время ещё есть.

Он нащупал в боковом кармане узкую полоску пригласительного билета.

В прошлом году в эту пору в Москве иллюминация была, — вздохнула девушка, напряжённо вглядываясь сквозь мокрое переднее стекло, по которому шуршала очиститель.

Сейчас не было огней вокруг... ни одного огня во всём городе, только соломинками пробивается свет кое-где между неплатно стянутых штор.

— Минутку... стекал противу только, — сказала девушка: она остановила машину и стала протирать стекло, чтобы были видны приклеенный пропуск на случай воздушной тревоги. — Сельмой час вечера... как раз их время, — пояснила она, садясь снова за руль.

— Посехали, посехали, Клава, — забеспокоился Северцев.

Она поехала быстрее, как бы почувствовав срочность поездки. Впрочем, может быть, она даже знала, куда его везёт. Там, впереди, куда он ехал сейчас, — там были и ответ и решение, там, в темноте этого предзимнего вечера, должен был зажечься указующий свет, как светит сквозь туман и непогоду маяк в бущущем море.

Полчаса спустя, не доезжая до нужного здания, Северцев остановил машину. Он осторожно нащупал ногой обочину тротуара и стал переходить широкую улицу. Необычный свет матовых аэстр встретил в затенённом сиянии вестибюле метрополитана. Двойным рядом откосов уходил в тьму тоннельная огни, и в торжественной тишине вестибюля наскоро сбрасывало с себя пальто, полушубки, шинель московское именитое воениство. Проходили мимо и затем уплывали вниз по лестнице эскалатора знакомые или узнаваемые по фотографиям конструкторы, директора заводов, журналисты, старые рабочие, — может быть, после многих лет

перерыва встание вновь у станков, — а больше всего было уже по-военному заглубивших и подтянутых военных... Москва воевала. Прифронтовой город без огней, преградивший все шоссе, все подходы противотанковыми «ежами» из железных балок и рельсов, оцепившийся сотнями зенитных орудий. Но здесь, на трибуне, в самом конце станции, ставшей залом собрания, мирно стояли цветы и горели настольные лампы.

Внезапно кто-то ухватил его за локоток.
— Ты без места? Идем. Я занял на всякий случай два места.
Северцев не сразу узнал в этом крупном, уже по-военному подтянутом майоре старого товарища по технологическому институту.

— Чудеса, Худяков! Я думал, ты в эвакуации с заводом, — сказала он, когда они сошли в одном из рвов.

— Нет, я в армии... Ну, а ты как, где ты?

— Да исполняя обязанности директора завода. Завод в основном эвакуирован, теперь набрала отсюда станков. Ничего, кое-что изготовлено. Ты на Западном?

— Да, на северном участке.

— Ну, как?

Худяков помогала, лицо его стало серьезно:

— Что ж, знаешь сам... читавшие сводки. Тяжеловато.

Северцев вспоминал, что даже не сумел обобрать смятенную девушку-инфанта.

— Ну, а на заводе как? — спросил Худяков.

— Знаешь, если будем жить, когда-нибудь напишу... или писателю какому-нибудь расскажу — пусть напишет. Старики-пенсионеры, инвалиды — и те пришли, как один, многие по пять лет у станков не стояли. Ах, народ... золотой!

— Что готовите-то?

— Да, так, разное... С ручными гранатами неплохо наладили. Миниметры начинаем делать. Слушая, Худяков, по советам: ведь отсюда от Москвы?

Он искоса посмотрел на обтрепанное, уже обожженное ноябрём лицо товарища.

— Одно скажу: будем умирать, но не пустим! Такое у всех настроение. Но положение трудное, что тут говорить. Они силы всё подбрасывают да подбрасывают. Им Москву вот как до зимы взять нужно.

Внезапно движением, возгласами, плеском ладоней всколыхнулось это необычайное, растнутое во всю длину станции собрание. Минута, другая... может быть, десять, может быть, пятнадцать минуток, затухая и вновь разгораясь, бушевало вокруг. Он стоял на трибуне, человек, который нёс на своих плечах историю. Теперь было видно, как седина особенно тронула за четыре с половиной месяца войны его волосы. Потом в тишине — такой, что можно было услышать стук собственной крови, — крохоту в усилителях: слов ещё не было, было только отчётливый, почти осаждаемый, плеск наливаемой из графина воды. Северцев машинально взглянул на ручные часы — было половина восьмого.

— Товарищи, — сказала Сталин, — прошлой 24 года с тех пор, как победил у нас Октябрьская Социалистическая революция и установился в нашей стране советский строй...

На минуту как бы перекинулся мост к его, Северцева, детству и отрочеству... Ему было тогда восемь лет, ему сейчас тридцать два. Вся жизнь — от пыльных лет, сквозь которые, сквозь комсомольские годы — прошла под этот знакомый, всегда указывавший путь, всегда определявший нравственное назначение голоса. Сколько раз в самые трудные времена звучал он! Сколько раз напоминала он о том, что алая, точная мысль бодрствует над страной, что странная волна ведёт её по великой дороге. А какие тольго рыбки, камин, пороги не встречались на пути огромной реки жизни советского государства за последние два десятилетия, почти за всё его, Северцева, жизнь...

Усилители звука мощно передавая голоса, как голоса истории. На нашу страну напал враг, изобретательный в деле уничтоже-

ния, вооружённый в изобилии совершенной техникой, коварный в предательстве и обмане. Мы приняли на себя всю тяжесть этого удара, и это стоило нам многих жертв и большой территории... Мы держимся сейчас с ним в Донбассе, на подступах Ленинграда и Москвы...

Да, враг был на подступах Москвы... Может быть, именно в эти минуты прорываются его бомбардировщики к ней, может быть, от артиллерийского огня гудят подмосковные леса. Наступала пауза, и в усилителях ещё звучало это последних произнесённых слов. Как бы капая за каплей напуганная и распрямляющая душу эта давшаяся почти два часа речь, наломанная сдержанной силой безостановочного расчёта и исторического предвидения. Ни один народ в мире после потери такой большой территории не был бы в состоянии не только наносить удары противнику, но даже продолжать войну. Мы не только в состоянии продолжать войну: наши боевые пополнения только разбавляются, мы с уверенностью смотрим в наше будущее...

Казалось, не было ни воздушных тревог, ни противотанковых рвов возле самой Москвы, ни тяжёлого напряжения последнего месяца. Дорога победы лежала впереди — как бы ни было ещё далеко завершение, — начертанная рукой человека, возмужавшего на себя великое бремя защитить и вывести на эту дорогу страну. И так же, как и все вокруг, в пылые признательности и верности поднимал и Северцева и Худякова в будущее, полным возгласом зал, и долго ещё стояли они, моля утны.

Была убогая чернота суглинистого вечера, когда Северцев с товарищем вышел на улицу. Но и затемнение, и дрожь, веба от всплеск из зенитных орудий где-то на подступах, и всё то, что пришлось за последний месяц пережить и пережить — всё было теперь отодвинуто. Они шли молча, вздохнувшие и сосредоточенные.

— Зайдём ко мне в гостиницу «Москва», — предложила Худяков. — Выawait минуты, когда не можешь оставаться один.

Он стал спускаться по широкой тёмной улице Горького. Колесный стёкол сыпал в лицо. В вестибюле гостиницы с синей лампочкой у входа было безлюдно.

— Слушая, — сказал Худяков, когда они поднялись к нему в номер на восьмом этаже, — я теперь признаюсь: я ехал с фронта и думал — разве это расстояние — час езды от Москвы, когда действующая тактика? А сейчас я знаю, что от фронта до Москвы, может быть, дальше, чем в начале войны... — Он открыл дверцу шкафа и достал бутылку вина. — Вышло от всего сердца, — сказал он, разливая по стаканам вино. — Ведь решается не только судьба нашей страны, но и судьба человечества.

Он поднял стаканы:

— За победу!

— За Сталина!

Сердце сразу шумно забило. Худяков потушил свет и, раздёрнув тяжёлую драпировку, открыл дверь балкона. Они вышли на балкон. Невидимый в темноте, с белыми контурами крыш, помпанных первым снегом, встречала город военную зиму тысяча девятисот сорок первого года. Но судьба его была ясна, и дорога предначертана.

Свыше четырёх лет спустя в балмштающим лепным золотом лож, тлещищем красным бархатом зрительном зале театра Северцев заново пережил эти давние чувства. Всё, что обещал в тот дальний ноябрьский вечер Сталин, было выполнено, и к будущему, к дальнейшему движению призывал теперь знакомый голос. Там, за портиком театра, в февральском предчувствии весны лежала Москва в огнях, и Северцев вспоминал высоко взнесённый балкон над тёмным, приткнутым прифронтовым городом и зарыву, которую возглавляли они тогда, похожую на клатву верности. Снова на простор грядущих десятилетий выходила страна, и в том, что великий корчиный ведёт её, была порука: сквозь все непогоды и бури он приведёт к этому будущему!

СВЕТЛО МИРА

Это было пять с лишним лет назад, когда в долинах горных рек Гроны и Нитры металлисты, обувщики, лесорубы и земледельцы Словакии по призыву коммунистической партии подняли восстание против гитлеровских оккупантов и доморожденных сповашников фашистов. Маленький, базарный народ, вдохновленный победами Советской Армии, штурмовавшей уже предгорья Карпат, организованной железной волей коммунистов, храбро сражался против вооруженных до зубов, законных в броню немецких моторизованных и танковых дивизий. Повстанцы несли значительные потери, но держались стойко. С гор подходили новые и новые добровольцы, являвшиеся в редище в боях отряды. В городах и крупных селах были открыты волеборские пункты, которых добровольцы записывали в партизанские отряды.

Так вот, на одном из таких пунктов, в районе действия знаменитой партизанской бригады имени Сталина, которой командовал известный советский партизан, ныне Герой Советского Союза, Алексей Егоров, произошел такой случай. Как-то сюда спустился с гор молодой лесоруб с Верхоны — крепкие, здоровые, плечистые парни в праздничных, разукрашенных шляпах, в живописных национальных костюмах из белой шерсти. Они пришли сюда за сотней километров и, расположившись у костров, решили коротать ночь под открытым небом. Партизанское командование заинтересовалось, почему они шли так далеко, почему не вступили в повстанческие отряды, действующие в их районах.

— Но ваше же бригаде зовётся бригадой Сталина! — отвечали молодые добровольцы.

— Правильно.
— Так мы готовы пройти по горам якое больше, чтобы сражаться в бригаде Сталина. Раз вы носите такое имя, вас победить нельзя!.. Недаром о делах ва-

шей бригады столько разговоров ходит в горах!..

Потом у костров завязался разговор о том человеке, чье великое имя носил эта славная партизанская часть, являвшаяся как бы гвардией восстания. Среди её командиров было несколько советских людей, принесших сюда, в чужие словацие горы, опыт великой народной войны в лесах Белоруссии и украинских степях. И они рассказали этим молодым словацим, парням, бросившим свои топоры, оставшимся живыми, чтобы сражаться с фашизмом, об одном из основателей великой коммунистической партии, о гениальном большевине, перестроившем советскую землю, о легендарном полководце, под руководством которого Советская Армия в великом единорестве сломала злербет фашистскому зверю. Нужно было видеть, как слушались эти простые и бесхитростные партизанские рассказы о товарище Сталине! Стояла тишина, нарушаемая только далёким уханьем горных филинов. Когда холодный сентябрьский ветер раздувал костры, свет их выхватывал из тьмы неподвижные фигуры, задумчивые, внимательные лица. Товарище сзади вытаскивал голову, чтобы не пропустить ни одного слова.

А потом они все разом заговорили, эти молодые словацие лесорубы, сошедшие с далёких гор и выслышавшие, что, хотя страна их управлялась тогда фашистским правительством и посылала свои части на Восточный фронт, все они внимательно следят за победами Советской Армии, все знакомы с докладами и приказами товарища Сталина.

— Ваш Сталин — величайший человек на земле. Мы долго шли по горам, чтобы записаться в бригаду имени Сталина. Уходя, я наказал своей жене: если родится сын, назвать его Иосифом. Это по-вашему будет Иосиф, — сказал лесоруб, поворачиваясь и вздохнул: — Эх, если бы только родился сын! Советские солдаты в минувшую

Рухарест. Выпущены в свет на румынском языке три тома Сочинений И. В. Сталина тиражом в сто тысяч экземпляров.

мировую войну, преследуя отступающего врага, много пошатели по белому свету, неся освобождение народам Европы от страшного фашистского ига. И всюду, куда ни приводили их пути победоносных походов, везде видели они живой и искренний интерес простых людей к личности великого вождя советского народа, лучшего друга всего трудящегося человечества. Им приходилось отвечать на десятки самых разнообразных вопросов, подчас нелепых, подчас даже странных, но всегда обнаруживающих большой интерес и глубокое уважение к имени великого Сталина.

На сотни вопросы отвечали советские воины, остававшиеся во время походов на недолгие стоянки на чужих дорогах, в чужих домах. Они знали: их спрашивают не из праздного любопытства. Они знали: простые люди всех стран, с надеждой и восхищением взвращающие на наше социалистическое государство, хотят как можно больше знать о его великом вожде — человеке, о котором слагают песни на всех языках мира.

Мы никогда не забудем одного сельского праздника в румынской деревне, в долине реки Сарат. Война бушевала недалеко, советские части штурмовали высоты у Ясс, а тут, на окраине бедной, но живописной деревеньки, население, радуясь освобождению от фашистской оккупации, пело и

танцовало под аккомпанемент нехитрого оркестра, состоявшего из скрипки, барабана и дудочки. В гостях у крестьян были наши танкисты — загорелые, коренастые ребята в ребристых шлемах, — солдаты части, отведенной сюда на отдых. Они лихо отплясывали с румынскими девушками, учили их советским танцам.

Потом оркестр стих, и парни подыали на руках худенькую смуглую женщину в ярком национальном костюме. Нам объяснили, что это учительница местной начальной школы — одна из лучших на весь уезд исполнителен румынских дойн, песен, которые иногда слагались певцом тут же, в момент исполнения. Когда все стихло, женщина эта, нерано тебея в худых руках носовой платок, вдохновенно сверкала огромными чёрными глазами, низкими и звучным голосом, завела песню. Это была песня о Сталине.

Наш переводчик эту же переводил, и я воспроизвожу эту песню с его слов, по старому фронтному блокноту.

«Есть человек на свете, который больше всех людей. Его сердце болеет за всех бедных и обездоленных, есть такой человек на свете».

«Есть человек на свете, который прозрачной всех людей. Он знает всех больше, он видит всех далёко, есть такой человек на свете. Есть человек на свете, который могущественней всех людей. Его

солдаты громят фашистов, его армии освобождают народы, есть такая человек на свете.

Есть человек на свете, который светит, как маяк в ночи.

Он освещает людям путь, он вселяет в них надежду и веру в счастье, есть такой человек на свете.

Есть такой человек на свете, он живет в Советской России, ния ему — Сталина.

Нужно учесть, что песня эта пелась в деревне, на рубеже которой всего два дня назад немцы и румынские фашистские войска сопротивлялись натиску Советской Армии, что пела её женщина под гул недалёкой артиллерийской канонады, звучащей со стороны города Ясси.

Когда теперь бываешь в странах народной демократии на массовых праздниках, на молодёжных торжествах, всегда видишь любовь и безграничное уважение народов к товарищу Сталину, освободившему их от фашистского ига, открывшему перед ними, рождённым в зверном капиталистическом мире, светлый социалистический путь.

Я видел молодых рабочих пракских заводов, внимательно изучающих в специальных кружках биографию товарища Сталина. Я видел в гористой Албании, на её народных собраниях, как лучше, отличившейся в труде бригаде присваивалось имя Сталинской. Я видел, как в советских книжных магазинах народ буквально расхватывал книгу Сталина «Воспоминания о Ленине». Я видел, как во время своих демонстраций юноши и девушки будапешта, как боевое знамя, несли портреты Сталина, высоко поднимая их над головой. Я видел, как на польских заводах над станками лучших станочников вешали вымпел с вышитыми на нём бессмертными сталинскими словами о социалистическом соревновании. Я видел на одной из вышек в румынском городе Плоешти огромный портрет величайшего из людей. Этот портрет заволабла бригада молодых бурмилщиков, заняв первое место в трудовом соревновании.

Если в странах народной демократии, закладывающих основы социализма, великое имя Сталина вдохновляет людей на трудовые подвиги, то в капиталистическом мире оно зовёт тружеников на борьбу против угнетателей. Никола не забыть имя массовый инстинкт трудящихся Милана и его окрестностей, состоявшийся в честь 2-го Всемирного конгресса профсоюзов. Сотни тысяч людей заполнили площади перед Палаццо дела Арто, где на трибуне стояли участники конгресса, заняв первое место в трудовом соревновании. Если в странах народной демократии, закладывающих основы социализма, великое имя Сталина вдохновляет людей на трудовые подвиги, то в капиталистическом мире оно зовёт тружеников на борьбу против угнетателей. Никола не забыть имя массовый инстинкт трудящихся Милана и его окрестностей, состоявшийся в честь 2-го Всемирного конгресса профсоюзов. Сотни тысяч людей заполнили площади перед Палаццо дела Арто, где на трибуне стояли участники конгресса, заняв первое место в трудовом соревновании.

Если в странах народной демократии, закладывающих основы социализма, великое имя Сталина вдохновляет людей на трудовые подвиги, то в капиталистическом мире оно зовёт тружеников на борьбу против угнетателей. Никола не забыть имя массовый инстинкт трудящихся Милана и его окрестностей, состоявшийся в честь 2-го Всемирного конгресса профсоюзов. Сотни тысяч людей заполнили площади перед Палаццо дела Арто, где на трибуне стояли участники конгресса, заняв первое место в трудовом соревновании.

Если в странах народной демократии, закладывающих основы социализма, великое имя Сталина вдохновляет людей на трудовые подвиги, то в капиталистическом мире оно зовёт тружеников на борьбу против угнетателей. Никола не забыть имя массовый инстинкт трудящихся Милана и его окрестностей, состоявшийся в честь 2-го Всемирного конгресса профсоюзов. Сотни тысяч людей заполнили площади перед Палаццо дела Арто, где на трибуне стояли участники конгресса, заняв первое место в трудовом соревновании.

Если в странах народной демократии, закладывающих основы социализма, великое имя Сталина вдохновляет людей на трудовые подвиги, то в капиталистическом мире оно зовёт тружеников на борьбу против угнетателей. Никола не забыть имя массовый инстинкт трудящихся Милана и его окрестностей, состоявшийся в честь 2-го Всемирного конгресса профсоюзов. Сотни тысяч людей заполнили площади перед Палаццо дела Арто, где на трибуне стояли участники конгресса, заняв первое место в трудовом соревновании.

Если в странах народной демократии, закладывающих основы социализма, великое имя Сталина вдохновляет людей на трудовые подвиги, то в капиталистическом мире оно зовёт тружеников на борьбу против угнетателей. Никола не забыть имя массовый инстинкт трудящихся Милана и его окрестностей, состоявшийся в честь 2-го Всемирного конгресса профсоюзов. Сотни тысяч людей заполнили площади перед Палаццо дела Арто, где на трибуне стояли участники конгресса, заняв первое место в трудовом соревновании.

СИЛА РОДИНЫ

Рано утром я выхожу из своей квартиры...

По обеим сторонам широкой улицы села стоят односторонние белые домики. Впереди, на холме, живописная арка. Оттуда прекрасно видно моё родное село — Старо-Бешево: трубы, трансформаторные будки, просторные склады, хранилища, помещения артельных служб.

При шаре мне была бы уготована судьба отца и деда — бродить по-миру и тннуть всю жизнь тяжёлую лямку. Советская власть, большевистская партия, великий вождь товарищ Сталин указали нам, крестьянам, путь к новой, счастливой и радостной жизни. Весной тысяча девятсот двадцать третьего года в Старо-Бешево была организована первая сельскохозяйственная артель. Всей семьей вошли мы в колхоз.

От отца мы, его дети — Николай, Иван, Василий, Надя, Лёля и я, — унаследовали любовь к труду. И мы работали на колхозной земле так, чтобы не осрамить честь своей большой семьи. В деревню пришёл

ую пору и учился, а летом работала пришедшей. Потом всё пошло, как в сказке. Я организовала первую женскую тракторную бригаду. В бригаду вошли мои подруги, хорошие, весёлые девушки — Вера Анастасова, Люба Фёдоровна, Вера Косса, Наташа Радченко, Маруся Радченко и Вера Золотопул.

О нашей работе, о скромных делах женской тракторной бригады узнали в Москве. Из Кремля звонили в деревню Старо-Бешево. Великий вождь товарищ Сталин интересовался нашей работой. Меня, дочь бывшего батрака, бригадир первой в стране женской тракторной бригады, вызывали в Москву.

...Третьим съезд колхозников ударников начал свою работу. В преддверье появился Иосиф Виссарионович. Я смотрела на Сталина, не отрываясь. От волнения и счастья у меня даже слёзы появились на глазах. Пять... восемь... десять минут продолжался восторженный овация зала. Мы аплодировали родному и любимому

смотрел на нас и улыбался тёплой, отцовской улыбкой.

По приезде к себе на родину я выступала на колхозных собраниях. Я рассказывала о товарище Сталине, а в большой комнате, переполненной людьми, стояла такая тишина, как будто слышно дыхание.

Мне все завидовали. Трактористы тоже бригады говорили: «Ты у нас, Паша, самая счастливая из Сталина видела».

...Декабрь тридцать пятого года. Я со своими подругами вновь была вызвана в Москву на совещание передовиков сельского хозяйства. Мы вошли в Кремлёвский дворец. Довата, как и я, входила сюда в первый раз, волновалась.

Председатель представил мне слово. Я рассказала о новых успехах в работе моей бригады. Всё это было будничным, повседневной жизнью. Товарищ Сталин внимательно слушал, и я чувствовала, что его всё интересует, что для него всё важно. Иосиф Виссарионович спросил меня:

— Сколько человек у вас в бригаде?

— Девять, — ответила я, указав рукой на первый ряд, — они все тут.

— Сколько дали на трактор? — спросил товарищ Сталин.

— 1225,5 гектара в среднем.

Я сказала дальше о том, что хотя нам и удалось немного перевыполнить свои нормы, мы будем очень рады, если наши последователи достигнут ещё лучших показателей.

В тридцатом году я была единственной в стране трактористкой. Прошло восемь лет. За рубежом трактора уже более десяти тысяч моих боевых подруг. Как проходило смотрел вперёд великий вождь! Сотни тысяч трактористок в годы тяжёлых испытаний достойно замечали своих отцов и братьев, уходивших на войну с оружием в руках защищать честь и свободу нашей любимой Родины.

Возвратившись из эвакуации к себе на родину, мы увидели страшную картину: гитлеровские разбойники опустошили наше колхозное цветущее село. Колхозная земля, — каждый маленький клочок, что до войны был с такой любовью обработан, — заросла бурьяном, остом и полынью. Надо было всё с самого начала приобретать, строить, делать. Мы смело пошли навстречу трудностям. Великий Сталин был с нами! Он указал нам путь к возрождению новой жизни.

Сталин! Это имя, окружённое безграничной любовью народа, я ношу глубоко в моём сердце. Великий Сталин научил меня, проливая кровь, жить и работать для счастья моей страны, для моего народа.

Мы, советские крестьяне, как и все народы нашей великой страны, любим жизнь. Любовь к нашей стране, к нашему генеральному Сталину — бесценна. Великий Сталин указал нам путь к счастливой жизни. Провал жизни восторжествовал во всём мире, потому что во главе борб за мир стоял Иосиф Виссарионович Сталин.

П. АНГЕЛИНА.

депутат Верховного Совета СССР, бригадир тракторной бригады Старо-Бешевской МТС, Сталинской области.

П. Н. Ангелина.

агроном. Колхозники и колхозницы стали прислушиваться к советам учёных Минурина, Вильямса. А главное — у нас появился трактор.

Везирина была моя радость, когда на курсах механизаторов я принялась за его изучение. В зим

му Сталину, выражая ему свою любовь, преданность и безграничную благодарность за всё то, что он сделал для нас, крестьян.

Великий вождь аплодировал вместе с нами. Он слышал наш колхозный труд, радовался нашим успехам, нашему счастью. Сталин

Залп «Авроры».

С. Дудин.

И. В. СТАЛИН И СОВЕТСКАЯ НАУКА

Весь советский народ, всё прогрессивное человечество с величайшим подъемом и энтузиазмом отметили знаменательную дату — 70-летие со дня рождения гениального мыслителя, величайшего революционера, корифея революционной науки, вождя партии и народа Иосифа Виссарионовича Сталина.

Миллионы простых людей всего мира приветствуют в лице товарища Сталина новую, социалистическую эпоху, приветствуют государство трудящихся, где созидательный труд стал делом чести, делом славы, делом доблести и героизма.

Самые сокровенные думы и стремления советских людей, их гордость за могучую страну, создающую коммунизм, их светлая вера в будущее слиты в образе любимого вождя — творца народного счастья.

С именем товарища Сталина неразрывно связан расцвет передовой советской науки.

Впервые в истории человечества на смену стихийному историческому процессу в нашей стране пришло сознательное управление общественным производством, основанное на незыблемом фундаменте марксистско-ленинской науки. Впервые в истории наука поставлена на службу великим освободительным целям, за которые вели борьбу лучшие умы человечества. Советский народ выступает как сознательный и активный строитель нового общества, где постепенно стираются грани между физическим и умственным трудом. На наших глазах передовые рабочие и колхозники обогащают науку, поднимая практический опыт строительства социализма до широких теоретических обобщений. По указанию И. В. Сталиным пути развивается техническое сотрудничество учёных и людей труда, ускоряющее наше движение к коммунизму, вдохновляет миллионы граждан нашей Родины, обогащает их мысли и дела.

Советская научная мысль развивается на прочной материалистической основе.

Товарищ Сталин учит: «В противоположность идеализму, который опровергает возможность познания мира и его закономерностей, не верит в достоверность наших знаний, не признаёт объективной истины, и считает, что мир полон вещей в себе, которые не могут быть никем познаны никакой... марксистский философский материализм исходит из того, что мир и его закономерности вполне познаваемы, что наши знания о законах природы, проверенные опытом, практикой, являются достоверными знаниями, имеющими значение объективных истин, что нет в мире непознаваемых вещей, а есть вещи, ещё не познанные, которые будут раскрыты и познаны силами науки и практики».

Опираясь на весь опыт истории человечества, на богатейший опыт построения социалистического общества в СССР, товарищ Сталин развил дальше марксистско-ленинскую науку об обществе.

Друг и соратник Ленина, И. В. Сталин ещё выше поднял значение теории в деле руководства практической работой по строительству коммунизма на основе обобщения практического опыта и предвидения перспектив движения.

Научное творчество И. В. Сталина — выдающийся образец применения в развитии марксистско-ленинского материализма исторические образцы научного предвидения, имеющие огромное значение для судьбы нашей страны. И. В. Сталин обогатил марксистско-ленинизм рядом великих открытий и дальше развил марксистско-ленинскую теорию. Великий вождь продолжил и развил дальше ленинскую теорию социалистической революции, конкретизировал теорию о возможности построения социализма в одной стране и пришёл к выводу о возможности построения коммунизма в нашей стране и в том случае, если сохранится капиталистическое окружение. Товарищ Сталин создаёт цельные, законченные учения о социальном государстве, даёт глубокий анализ развития социалистического государства и изменения его функций в связи с изменением обстановки, сделал вывод о необходимости сохранения государства при коммунизме в том случае, если сохранится капиталистическое окружение.

Марксистско-ленинская философия, преобразующая мир, в трудах товарища Сталина достигла своей вершины. Гениальные произведения товарища Сталина, которые в связи с изданием его Сочинений стали доступными всем трудящимся, пронизаны духом революционной диалектики.

Глубоко органично сливание деятельности товарища Сталина как революционера и как теоретика, и как великого руководителя государства. Ни одно из крупнейших мероприятий и начинаний в нашей стране не обходится без личного участия товарища Сталина. Социалистическая индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства, великий план преобразования природы, создание могущественной обороны страны социализма, создание многочисленных кадров высококвалифицированной советской интеллигенции, крупнейшие достижения в области культуры — всемирные победы советского народа, обаяние товарищу Сталину.

Победа советского народа в Отечественной войне явилась величайшим торжеством научных основ сталинской стратегии и тактики, торжеством сталинской военной науки, как науки передовой социалистической

военной науки, как высшей ступени в развитии теоретической военной мысли.

Глубокие, основополагающие труды товарища Сталина оказывают решающее влияние на самые различные отрасли науки. И это обстоятельство, ибо учение Ленина — Сталина необятно по своей широте. Оно охватывает самые общие принципы познания природы и общества.

Сталин поднял значение науки в Советском Союзе на недосягаемую высоту. «Нечеткий класс», говорил товарищ Сталин, «не может стать настоящим хозяйном страны, если он не сумеет создать своей собственной интеллигенции... если он не овладеет наукой и не сумеет управлять хозяйством на основе науки. Деятелям науки в нашей стране предоставлено почётное место в первых рядах творцов и создателей нового мира».

В целом ряде своих работ товарищ Сталин подчёркивает идею народности науки. Передовые советские учёные руководствуются сталинскими указаниями о том, что наука в нашей стране должна добровольно, с охотой служить народу, отдавать народу всё свои достижения, должна беспощадно бороться с застоями и рутинной, смелой ломая устаревшие положения и нормы. Нигде в мире нет такого внимания к развитию науки, как в нашей стране. Советская наука быстро прогрессирует, расцветает под мудрым руководством партии большевиков, под могучим идейным воздействием товарища Сталина.

Октябрьская революция призвала учёных на передовые позиции технической реконструкции страны. Учёные учёных в преобразовании всего промышленного и народнохозяйственного уклада России вызвали к жизни научных деятелей нового типа. Учёный эпохи социализма — не только творец новых методов, но активный участник тех организационных преобразований, которые необходимы для внедрения научных открытий в жизнь страны; учёный-творец, инженер-исследователь, организатор современных способов производства, умеющий поставить живое дело, — вот черты научного работника нашей сталинской эпохи.

Товарищ Сталин своим указаниям систематически направлял науку работу больших коллективов советских учёных по многим отраслям знания. С особым вниманием делал товарищ Сталин за развитием Академии наук СССР. Во время напряжённой борьбы с немецкими оккупантами в годы Отечественной войны товарищ Сталин неоднократно направлял развитие научных исследований.

12 апреля 1942 года товарищ Сталин в телеграмме В. Л. Комарову писал: «Надеюсь, что Академия Наук СССР возлагит движение новаторов в области науки и производства и станет центром передовой советской науки в развёрнувшейся борьбе со злейшим врагом нашего народа и всех других свободных народов — с немецким фашизмом».

Работа советских учёных в дни войны получила высокую оценку советского правительства и Центрального Комитета ВКП(б). В соответствии по случаю 220-летия Академии наук СССР ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР отметили, что в дни войны советские учёные вели успешную работу, помогая своим трудом фронту и народному хозяйству нашей страны. Советские учёные внесли ценный вклад в дело разгрома врага.

Ярким примером неосчётной помощи, которую постоянно получает от Академии наук передовая советская наука, является его помощь биологической науке. Постоянным советам и указаниям представителям мичуринского направления в биологии товарищ Сталин оказал решающее влияние в борьбе и победе мичуринского учения над реакционным учением вексистанов-моргановцев. Великой благодарностью должны заключительные слова доклада Т. Лысенко на августовском сессии Академии сельскохозяйственных наук, где он говорил:

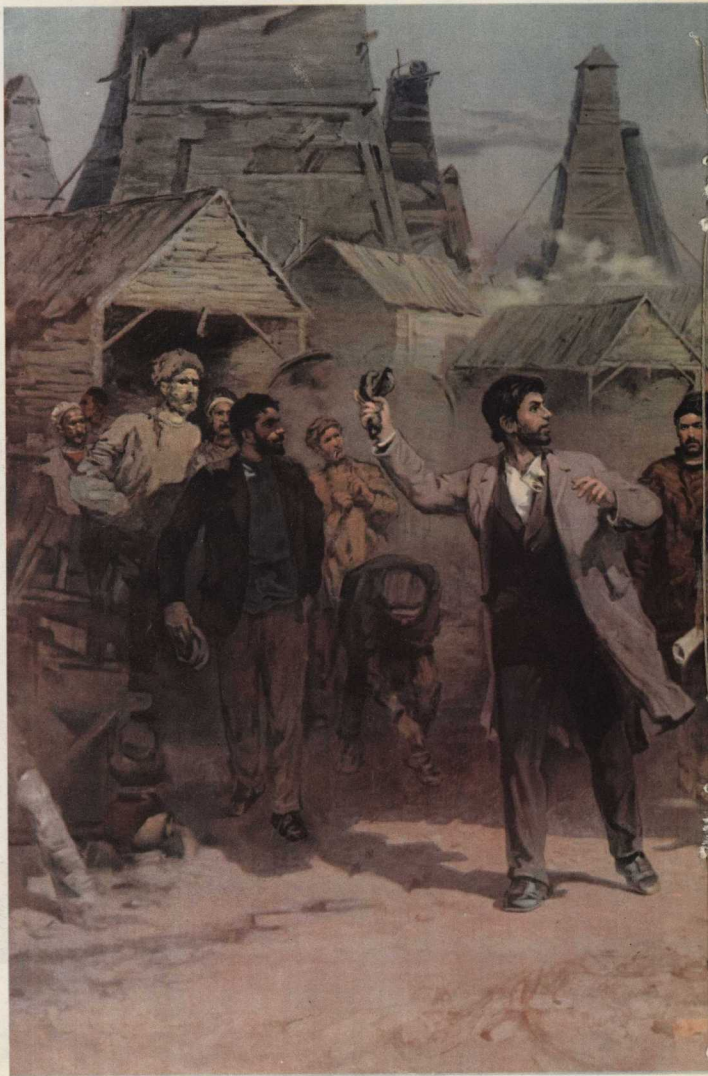
«В. И. Ленин и И. В. Сталин открыли И. В. Мичурину и сделали его учение достоянием советского народа. Всем своим большим отечественным и иностранным коллегам его работе они спасли для биологии замечательное мичуринское учение. Партия и Правительство и лично И. В. Сталин постоянно заботятся о дальнейшем развитии мичуринского учения. Для нас, советских биологов, нет более почётной задачи, чем творческое развитие учения Мичурина и вназвение во всю нашу действительность мичуринского стиля исследований природы развития живого».

О развитии мичуринского учения наша Академия должна заботиться так, как тому учил личный пример заботливого отношения к деятельности И. В. Мичурина со стороны наших великих учителей В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Передовая советская наука поощряет исследователей дерзать в поисках революционных путей преобразования мира для нужд всего народа. Подлинная народность науки есть вместе с тем признаком её большевистской партийности. Нельзя не иметь в виду, что в великом гуманизме науки, не борясь за построение коммунизма в нашей стране, беспартийные научные течения в 20-м столетии, так же как и не было во все предыдущие эпохи развития человечества. Наша советская наука должна быть непримиримой к врагам демократии, врагам коммунизма. Советский учёный-материалист должен, как говорил великий Ленин, «при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определённой общественной группы». Товарищ Сталин учит: «Нет и не может быть «средней» линии в вопросах принципиального характера».

М. Абдуллаев

Дипломная работа
Московского
Государственного
художественного института
имени В. И. Сурикова

Товарищ СТАЛИН
на Бакинских нефтепро-
мыслах в 1904 году.

«Москва, Кремль, товарищу Сталину».

Ф. Малашев.
(Всесоюзная художественная выставка 1949 года)

Мы имя вождя и в бою и в труде
Несём, как гвардейское знамя,
Оно молодёжь вдохновляет везде,
Как солнце, сверкает над нами.

Наш мудрый учитель! Наш вождь и отец!
Клянёмся мы радостью жизни,
Клянёмся всей кровью горячих сердец,
Служить беззаветно Отчизне.

Клянёмся земли нашей каждую пядь
В сраженьях отстаивать смело,
Готовые молодость нашу отдать
Борьбе за народное дело.

Даём нерушимую клятву свою
От имени всей молодёжи:
Упорны в труде и отважны в бою,
Мы путь к коммунизму проложим.

Да здравствует наш богатырский народ!
Да здравствует наша держава!
Тому, кто страну к коммунизму ведёт,—
Великому Сталину слава!

Нас Ленин под красное знамя собрал,
И наша судьба величава.
Тому, кто в борьбе молодёжь воспитал,—
Великому Сталину слава!

Быть верными партии нашей всегда —
Наш долг и священное право.
Тому, чьим доверием юность горда,—
Великому Сталину слава!

Как гимн беззаветной сыновней любви,
Слова нашей клятвы, звучите!
На радость нам долгие годы жизни,
Любимый наш вождь и учитель!

Из письма комсомольцев и молодёжи Советского Союза
вождю народа, учителю и другу советской молодёжи
Иосифу Виссарионовичу СТАЛИНУ в день 30-летия ВЛКСМ.

ОБЕЩАНИЕ

Новый роман Анны Карабаевой — последний из цикла трилогии «Родина». Молодые герои романов «Сбыви» и «Разбей» — Игорь Чувилев и его друзья — возматерились на эвакуацию в свой родной город. Парторг Пластунов предлагает бригаде молодых стажёров применить новый метод — скоростной обработки металла, рождённый ещё на Урале, в эвакуации. Но, приступив к работе по внедрению новаторского приспособления для скоростной обработки металла, чувилевская бригада встречает сопротивление со стороны начальника цеха Челышева. Как ни тайливо Чувилеву и его товарищам миги напарному Челышеву — отступать нельзя: Чувилев и его бригада ведь дали обещание Сталину! И чувилевская бригада, поддёрнутая всем заводом, добивается победы.

Нине публикуется отрывок, в котором рассказывается о том, как бригада Чувилева добилась этой победы.

Толпа быстро прибывала, и человеческие голоса, перекатываясь гулким эхом, гремели, как прибой, под высокими сводами цеха. Когда на досытую трибуну поднялся парторг Пластунов, директор Назарев, тётя Настя, Соня и Артём Сбоев, все мгновенно стихли. Пластунов читал приказ Верховного Главнокомандующего.

Крутом стояла тишина, только слышался шестёрк газетного листа в руках парторга.

«Героические усилия рабочего класса ещё более укрепляют военноматериальную базу Красной Армии и приближают тем самым час нашей окончательной победы», — звучно раздавался голос парторга.

— Прямо как при нас Сталин сказал! — прошептал Иван Тимофеевич на ухо Василию Петровичу Орлову. Тот многозначительно взглянул на него изпод нависших бровей и шепнул:

— Так он же, брат, всех видит и знает! — и опять замер, напряжённо слушая.

Лиза Томенева пришла на митинг возбуждённая, готовая labро-ситься на Чувилева. Заметив сегодня в цехе необычное оживление на чувилевском участке, она спросила: к чему, собственно говоря, они готовятся? Чувилев удалившись посмотрел на неё и, как её показало, слышным важно ответил, что о больших делах он яра боится на любит. Лиза помнила, как три года назад коротышкапареньк в форме ремесленника вместе с группой таких же молодых ребят с почтительным вниманием смотрел на её работу.

Во время чтения приказа Пластунов подливали на приземистого, широкоплечего Чувилева, и, хотя отлично понимала, что теперь это юность, а не мальчишка, и раздражение продолжало кипеть в ней.

Поднявшись на трибуну, Лиза увидела закинутое вверх лицо Чувилева, который, прицурив один глаз, смотрел на неё. «Погоди, вот мы тебе покажем!» — гневно повторила про себя Лиза, и заканчивая своё короткое выступление, произнесла резко и гордо:

— Наша бригада обещает piani на март выполнить на двести процентов... и вызывает на соревнование бригаду товарища Чувилева! — Лизавета на тебя всё ещё сердится... ишь, Лиза горит, как у кошки! — зашептала Серёжа на ухо Чувилеву.

Пусть её — отмахнулся Чувилев, потянувший и бледный. Его больше всего волновало то, сумеет ли он убедительно и веско рассказать всем о намерениях его бригады, о том, что они очень ответственно, но вполне осуществимы.

— Нука, нука! — подлазорила Чувилева Лиза, когда он шёл к трибуне. Но он не слышал её.

— Вызов товарища Томеневой принимаем! — заговорил Чувилев и, ещё слыша победное, продолжал: — Но мы хотим победнее, лучше... и сможем это выполнить.

Слегка глотая слова, Чувилев кратко рассказал о последних успехах своей бригады в эвакуации на Лесогорском заводе.

Множество глаз, казалось, пронизывая Чувилева требовательнострогими взглядами: собственный голос звучал неузнаваемо, но отступать было некуда.

— И тогда... — отчаянно сказал Чувилев, — мы разможим наш оплит... и все у нас в цехе будут выполняться по четыре — пять, а то и больше проиов в месяц... и мы обещаем...

— Ого-го! Хвати-я! — ошеломлённо и резко крикнула Лиза Томенева. — Говори, да оглядывайся, ведь Сталин обещал!

Чувилев вздохнул и растерянно посмотрел на сидевое красное лицо Лизы.

Артём Сбоев, продвинувшись плечом в первый ряд, широко улыбнулся и кивнул Игорю:

— Продолжай, продолжай, товарищ Чувилев! Чувилев почувствовал, как горячая волна смелости бросилась ему в лицо:

— Товарищи, завод наш встает... и город встает... и теперь можно сделать то, чего мы уже добились в эвакуации... и янаа бригада будет драться за это!... Да и не только мы, а все рабочие нашего завода будут за это драться!...

Чувилев, кратко рассказав, как его бригада намерена «драться», под шумные аплодисменты и одобрительные возгласы сошёл с трибуны.

Начальник цеха Челышев, увидев Челышев недоволюю взгляд плечами и прошепел, ни к кому не обращаясь:

— Это что за экспромт? Может быть, уважаемый оратор сможет мне объяснить?

— А разве непонятно? — спокойно спросил Пластунов.

Митинг уже закончился, и рабочие, шумно разговаривая, выходили из цеха. Челышев разглядел глазами Чувилева и подлазал к себе.

— Странное и непонятное дело, товарищ Чувилев, — заговорил он, официально переходя на «вы». — Как могло случиться, что вы не соглашались нашего выступления на митинге со мной?

— А почему я должен был согласовывать? — с недоумением спросил Чувилев.

— А потому, чтобы не выступать с безответственным экспромтом! — уже вспыхнул Челышев.

— По-моему, Евгений Александрович, выступление Чувилева ничего общего не имеет с экспромтом, всё в нём абсолютно серьёзно и обоснованно, — вмешался Сунцов.

— Если бы вы всё это видели в Лесогорске... — начали было Игорь Семёнов и Серёжа.

— В Лесогорске или в другом месте — резко прервал Челышев, — но и то всё равно сначала проконтролировать бы реальность дела сам, а потом бы уже поверил. Вы обязаны были сначала всё доложить мне. Мне. Поинято?...

... На другой день, в перерыв, Чувилев прибежал в цех электросварки к Соне.

— Сонечка, твой лапа... начальник цеха запретил!...

— Что запретил?

— Работать над нашим приспособлением!.. Прямо этого слова он не произнёс, но по всему видно: запретил... Изобразил, проверил на опыте... и отказался от него?.. Что же это такое? Ведь мы Сталину обещали!

Чувилев поморщился и переделуль широкими плечами: — А Лиза что-то замечает... Сегодня спрашивает меня: «Ты что уявл, Чувилев? Большим обещанием задолал, а теперь страх тебя берёт?»... Эх-х...

В серых глазах Чувилева вспыхнули упрямые огоньки: — Нет! Я всё-таки страха не чувствую! Я знаю, что мы не сослужу обещали!

Соня, помолчав, устремила на него потемневший серьёзный взгляд: — Теперь всё должно получиться не только хорошо, но сразу отлично... понимаешь?

— Да.

— Конечно, — снова помолчав, заговорила Соня. — Отступать нельзя. — Отступать было нельзя, а вместе с тем идти против начальства тоже неприятно. Кое-что из ребят бригады Чувилева стал сдавать позиции. Одидажи Соня, поднимавшая в общепитие, усталаа резкие голоса друзей Игоря.

— Чувилев, рассказавший про комитате, быстро обернулся. Увидев его расстроеное лицо, Соня поняла, что всей чувилевской компании не до шуток.

— Да что... — возмущённо вздохнул Чувилев, кивая в сторону Анатолия Сунцова и Сергея Вочного. — Расскажила мы во митинге!...

Сунцов сидел на своей узенькой, дачного типа, койке и держал на коленях раскрытую книгу.

«Нет, они не в оинге спорят!» — подумала Соня, но спросила опять: — Что у вас тут за прощивание, ребята? — шуточно спросила Соня.

— Пусть он сам повторит, что сказал! — адрог смешно, но-пугуниному вскрикнул Чувилев. — Ага, небось, стыдно?

— Ясное дело, стыдно... — подделкал своего тёзку Игорь-севастиополь, сверкуля глазами в сторону Сунцова.

— Нет, почему же... — несладко заговорил Сунцов, и его красное яромоное лицо приняло надменное выражение. — Я считаю, что нечего

лесть на рожон, если начальник цеха запретила. Так пусть он впоследствии покажет, что это и тогда, возможно, сам попросит нас сказать, что мы такое изобрели.

— А я ещё думаю, ребята... — благодуюн влохукил Серёжа. — Нужно ли нам здесь, в родном городе, повторять то, что мы делали в эвакуации? Сюда Инженерно-технический... Крайняя Армия с троцкистами Румыния и Чехословакия подходит... может быть, война скоро и кончится...

— Тогда, значит, по-твоему, всякому повторству уже совсем конец? — едко спросил Игорь-савастополь. — В мирное время наш Сергей Петрович, пожалуй, будет первым лебебой на заводе...?

— Подай ты! — рассердился Серёжа, но Суинов повелительным жестом остановил его:

— Не отводите разговор в сторону, товарищи! В конце концов, мы взрослые люди... и каждый может иметь своё мнение. Я считаю, Игорь... — Суинов встал, положил томик Маяковского на стол и, вклинув голову, строго взглянул на Чувилева: — Я считаю, Игорь, что идея нам против цехового руководства — просто глупый романтизм.

— Хорош! — твёрдо сказал Чувилев. — Немеленно уточним этот вопрос. — Имя, ты первый не желал бороться, — жёстко начал Чувилев и заглянул указательным пальцем на завод... —

— Это — не отступление, а убеждение в том, что... — торопливо заговорил Суинов, но Чувилев резко отмахнулся:

— А... словами не загорайтесь, когда суть гнилая! Теперь ты, Сергей... ну?

Серёжа потёр переносицу, कुछ дурньююло хохотнул, но, посмотрев на серьёзное лицо Суинова, промолвил со вздохом:

— Что ж, я за тебя... Посмотрю, что выйдет...

— И я на том спасибо, — усмехнулся Чувилев. — Теперь ты, Игорь... Моё мнение тебе хорошо известно... решительно отгнал Игорь-савастополь, метнув глазами в сторону Серёжи. — Я за тебя, без всяких там «посмотрю»!

— И я за тебя, Игорь Чувилев, — сказала Соня и, улыбаясь, протянула руки обним Игорю.

На утро Чувилев пришёл на завод в тревожно-принудительно настроении, которое ещё сильнее охватило его, когда он после смены прошёл в свою «экспериментальную мастерскую».

Уже немного работы нам осталось, ребята.

Настроение бригадира переломилось всем, и вся четвёрка работала так увлечённо и дружно, что Чувилев всё увереннее говорил про себя: а торжество уже совсем недалеко!

Кто-то вдруг громко влохукил. Чувилев поднял голову — и обомлел: перед ним стоял начальник цеха.

— Это что такое? Почему в инструментальном складе работают станки? — резко отчеканивая слова, спросил Челлишев, муру оглядываясь по сторонам. — Что здесь происходит?

Все молчали. Ноги Чувилева словно приросли к полу, руки, упавшие вдоль тела, как бы одеревенели; губы не разжались.

— Это что за подделка, бригадир Чувилев?

— Это не подделка, — вздрогнув от обиды, ответил Чувилев. — Это... мы приспособление делаем.

Какое приспособление?... А... то самое... — холодно усмехнулся Челлишев; его дрыбные щёки задрожали от негодования. — Но ведь я же запретил всякие эксперименты... а вы нарушили мой приказ и обманули меня. Главный инженер Сбоев тоже не знал с... ваших занятий?

— Ему всё известно... — славным голосом ответил Чувилев.

— Так... Вы комсомольцы?

— Да... Все комсомольцы.

— Секретаря комсомольца вы известили, что собираетесь обмануть меня?

— Мы были убеждены, что наша работа...

— Я говорил... я всё время говорил, что ничего не выйдет! — закричал Суинов высоким, срывающимся голосом.

— Теперь вот опозорился на весь завод! — надсадно завывал Серёжа.

— Нет, я больше не могу! — и Суинов резко отмахнулся, словно перечеркнув всё, что было им сделано.

— Да, хватит с нас, хватит! — поддержал Серёжа. Оба быстро оделись и, не говоря больше ни слова, пошла к дверям.

Игорь Секинов, молча переглянувшись с Василием Петровичем, и оба сумрачно взглянули на Чувилева. Бледный и молчаливый, он беспечно собрал оставленные Суиновым и Серёжей инструменты и сложил их в шкаф. Потом, сдерживая дрожь рук, пустил станок.

Игорь-савастополь подошёл ко рожому станку и пустил его. Полчаса никто не произнёс ни слова.

— Вот! Видишь, как заварилась каша! — уже совсем расстараясь Игорь Секинов. — Эх... пока что один только неприятный мы доставляем всем: Сою, Василию Петровичу, Артёму... Анатолий и Сергей от нашего изобретения отойти, надоело всем исперек горла становиться. Обидно всё это!

— А как же наше обещание? — строго и печально произнёс Чувилев.

— Обещание? — смутился Секинов. — Оно при нём... Оставим. Мы его выполняем, но немного позже... и

товарищ Сталин не осудит нас... Да и разве возможно запомнить тысячи и тысячи обещаний, которые даются Сталину? — Разве он помнит, например, о нас, комсомольцах из Клёновска?

— Он об этом совсем помнит... тихо и твёрдо сказал Чувилев. — Люди, которые для Родин от всего своего дела работают, у Сталина записаны.

— Значит... и мы с тобой?

— И мы с тобой.

Оба помолчали.

— Знаешь... что? — таинственно зашептал Секинов. — Давай завтра обязательно всё с нашим изобретением закончим.

— Идём!

— Явившись на свой участок, как всегда, за полчаса до начала смены, Суинов и Серёжа не нашли там Чувилева, ни его тёлки.

— А!.. Они в «экспериментальную» побежали... — догадался Суинов. — Пойдём и мы, Сергей.

В «экспериментальной» оказался один Василий Петрович. Шаркая валенками, он неторопливо убирал инструменты. Окинув помещение привычным заводским взглядом, юноши сразу поняли: здесь произошло что-то очень важное.

— А где... Чувилев и Секинов? — записывая, спросил Суинов.

— Хватится! — сухо ответил Василий Петрович. — Они сюда к половине шестого прискакали, всё закончили, а теперь по начальству объявляют пошлы.

— Всё... закончили? — в один голос воскликнули Суинов и Серёжа, этого они совсем не ожидали.

Суинов некоторое время стоял, ошеломятый, пристыженный, чувствуя себя так, будто мимо него, сверкая огнями, промчался поезд, на котором он должен был ехать.

Вернувшись в цех, Суинов увидел обомлелых Игорю на обычном месте. Но в их деловитом спокойствии расстроженных глаз Суинова заметил затейный огонёк торжества.

— Ты что же, Игорь... — голосом, славным небывалой душевной болью, сказал Суинов Чувилеву, — не предупредили ни меня, ни Сергея, ты оказывается, уже всё закончил?

Всю смену Суинов работал в молчаливом напряжении и пришёл домой в таком измученном состоянии, будто внезапно заболел. Серёжа Вознич, придя с ним вместе домой, молча лёг на свою постель и закрыл глаза. Он обладал одной счастливой особенностью: при неудаче и дурном настроении он мог завалиться спать и спать крепко, как сурок в зимней норе.

Суинов не вытерпел.

— Ребята!.. — сказал он. — Слушайте... ребята... я позорно отступил... мне стыдно за себя... и я больше никогда...

Садясь... спойкой сказал Чувилев и, взяв его за плечи, усадил на табуретку. — Выходит, вы цех этот случай запомните.

— Игорь!.. дури! — горячо прошептал Суинов. Он стиснул локоть Чувилева и прижался лицом к его широкому плечу...

...Желаясь увидеть в действии токарный станок, усиленный приспособлением чувилевым, оказалось так много, что в инструментальном складе стало тесно и тепло.

— Ну, уважаемые повелители, объясните нам, как вы сконструировали... — обратился Назарев к Чувилеву, и глаза директора окинули довольным взглядом всю чувилевскую четвёрку. Суинов, стоя рядом с Чувилевым, сильно вздрогнул и поблелел. Серёжа опустил глаза. Чувилев встал вбок, на искажённые безмысленной тоской и сожалением лица старых своих друзей, переглянувшись со своим тёлкой, а потом, прислонившись, начал:

— Приспособление, ускоряющее работу токарного, а при известном варианте и сверляльного станка, сконструированное Игорем Чувилевым, Игорем Секиновым, Анатолием Суиновым и Сергеем Вознич, состоит, как видите, из следующих частей...

Объяснив, Чувилев краем глаза успевал следить за выражением лиц Суинова и Серёжи. У Суинова — будто чудесный ветер сдувал его — лицо пылало жарким румянцем. В его глазах горела такая готовность рассказать всем, как работала их четвёрка над этой конструкцией, что Чувилев после объяснений Игоря Секинова дал слово Суинову и затем Серёже.

Плестунова спросил:

— А сумеете вы в кратчайший срок обучить людей работать по новому способу?

Чувилев смело ответил:

— Обучить сумею: мы стремимся, чтобы наше приспособление было как можно проще и дортативнее. Сейчас вы всё это увидите. Начнём, товарищи!

А когда все разошлись и уже можно было уходить домой, Суинов потянул Чувилева за рукав и ушёл от него в тот угол, где недавно помещалась их «экспериментальная» мастерская.

— Ты что? — удивлённо спросил Чувилев.

— Ничего... Я хотел тебе сказать... и Суинов вдруг крепко сжал его руки в своих сильных тёмных ладонях. — Ты сегодня так понял меня и Серёжу... и я... и мы оправдали твоё доверие... лучше, больше тебя друга у меня нет и не будет. Игорь!..

— Ну, ну... — Значит об этом говорить? — смутился Чувилев. — Всё ясно, Толь, всё ясно!

Суинову хотелось сказать, как, бывало, в ремесленном училище говорил о Чувилеве: «Славный, милый наш коротышка! Но это уже был не «коротышка»: широкоплечий юноша в чёрной шинели, доброе обаяние его немалую статую фигуру, смотрел на Суинова доверчиво и строго взглядом тёмносерых глаз, которые уже немало видели и знали.

Для счастья народа. (Заседание Политбюро ЦК ВКП(б).)

С картины Д. Налбандяна.
(Всесоюзная художественная выставка 1949 года.)

НАСТУПЛЕНИЕ

Николай БИРЮКОВ

Воронеж остался далеко позади. Я сиотрю, как выхлесты причащающийся и закукузова длинный до бесконечности хвост пылы.

Уже свыше двухсот километров пролетела наша машина чёрными, как разлитый вар, полями.

На границах полей выделяются ровные полосы. С них, словно приветствуя нас, кивают дисковыми шапками подсолнечники. Они стоят симметричными пятёрками, напоминая городошную фигуру «письмо», и между ними радует глаз яркая, едва уловимая с быстро мчащейся машиной зелень.

Шофёр оглаживается, и мы понимаем друг друга без слов: сталинский план преобразования природы в действии! Пройдут десять — пятнадцать лет, и эти тоненькие прутики с двумя — тремя листочками вытиснутся в рослые дубы, которые смрут губительные сушовеи, и тогда... Впрочем, что будет тогда, можно увидеть уже сейчас там, куда мчала наша машина, подпрыгивая на буграх и выбоинах.

Каменная степь!

Машина, как в ворота, вошла в разрыв между лесными полосами, и, пиль оторвавшись от кузова, в лицо пазнуло прохладой, захватом прелых листьев...

Вероятно, каждому, кто попадает сюда впервые, хочется обнять голову перед этими полувисковыми дубами, листья которых, чуть тронутая осенними красками, казалась, ншпщывала о величии русской науки, всегда опережавшей время.

А тому, кто хоть немного знаком с историей Каменной степи, в шуме её могучих дубрав, наверное, слышится и другое — торжественный гимн нашему большевистскому времени.

Церское правительство не поддержало смелого эксперимента Доку-

Более года тому назад Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли по инициативе И. В. Сталина решение о плане полезнщитных лесонасаждений, внедрения тракторных севооборотов, строительства прудов и водохранилищ для обеспечения выносок и устойчивых урожаев. Наш народ назвал этот план Сталинским планом преобразования природы. Сейчас этот план успешно выполняется. Уже произведены посадки защитных лесонасаждений на площади в 500 тысяч гектаров.

Четвёрть века назад И. В. Сталин предсказывал нашей стране «неизречённую будущность: итадел и рассадина наук.» Предвидение вошло в сблсь. Одним из ярких примеров претворения в жизнь мудрых сталинских предсказаний является осуществление плана преобразования природы.

Советские учёные, следуя генеральным указаниям товарища Сталина, идут в ногу с практикой, освещают её дальнейший путь передовой научной мыслью. Как показывает пример Каменной степи, о чём рассказывается в книге публицистом очернике писателя И. Бирюкова, великий сталинский план преобразования природы мсёт с собой подлинную революцию в земледелии, в борьбе за высокие, устойчивые урожаи.

чава: опытная станция была закрыта, а выращенные лесные полосы с прудами и укрепленными оврагами переданы Бобровскому лесничеству.

Многим в то время думалось, что генеральная идея о возращении земле утраченной молодости похоронена навсегда.

«Учёные адвокаты» буржуазии, хищнически эксплуатировавшей природные богатства, чтобы отвести от своих хозяев вину за годы страшнейших засух и голода, сочинили «закон убывающего плодородия почвы». Дело, мол, не в хищническом способе производства, не в разоробленности сельского хозяйства, а вот в этом самом «законе», опровергнуть который человеку не поможет ни наука, ни механизация.

В. И. Ленин в работе «Аграрный вопрос и критика Маркса» не оставил камня на камне от этого ложного построения «учёных» фокусников.

Крупнейшие открытия русских биологов и почвоведов явились блестящим подтверждением ленинских положений о безграничности плодородия земли.

Великие зодчие большинства партии и советского государства зорко следили за всеми достижениями подлинной науки, за каждым её новым словом.

И вот в эти грозные дни, когда молодая Советская Россия ещё отставала своё право на жизнь в ожесточённых битвах с интервентами, в Каменную степь по личному заданию Ленина прибыл уполномоченный Совета Народных Комиссаров, чтобы возродить и динуть дальние допустимые начинания.

Это было в 1921 году, а в 1924 году товарищ Сталин выдвигает как одну из основных задач развития сельского хозяйства — «защраковать себя в будущем от случайностей засухи».

«Думаем, — писал он, — начать дело с образования минимально

необходимого мелкоропашного клина по зоне Самара—Саратов—Царицын—Астрахань—Ставрополь.

Руководствуясь указаниями товарища Сталина, советское правительство отпустило колхозные средства на научные эксперименты, изыскания и т. д.

«Мы — руководители научных учреждений, находимся прямо в тревоге, а бесполокосте по поводу того, будем ли мы в состоянии оправдать все те средства, которые нам предоставляет правительство, — взволнованно выразился у Ивана Петровича Павлова на приеме в Кремле. Вот такими же беспрестанным вниманием была охвачена и деятельность академика-биологика Василия Робертовича Вильямса, разболевшего над длительным развитием и обобщением идей своих знаменитых предшественников — Докучаева и Костычева.

Снова круто сдвиг на подвиги. В 1934 году в Москве состоялся XVII съезд партии, вошедший в историю как «съезд победителей». Из страны аграрной СССР стал страной индустриальной. Из страны мелкого единоличного сельского хозяйства — страной коллективного крупного механизированного сельского хозяйства.

К этому времени труды академика Вильямса приняли завершенную форму, известную ныне всему миру как «травопольная система земледелия, или «комплекс Докучаева—Костычева—Вильямса».

Опиравсь на эти новейшие данные советской науки, товарищ Сталин в своем докладе съезду партии указывал путь, по которому должно идти дальнейшее развитие сельского хозяйства. Одной из очередных задач товарищ Сталин поставил — введение правильных севооборотов, расширение чистых паров, улучшение семенного дела по всем отраслям земледелия.

«Насаживание лесов и лесозащитных полос в восточных районах Зап.-Волжья», — говорил И. В. Сталин, — имеет громадное значение. Эта работа, как известно, уже производится, хотя нельзя сказать, чтобы она проводилась с достаточной интенсивностью.

Сейчас поспешно колхозы и совхозы зовут или уже зовут на своих полях травопольные севообороты. Пионером освоения вильямсовской системы земледелия была Каменная степь.

С каждым годом все выше и выше поднимались здесь урожаи, на больших площадях вырабатываясь лесные полосы нашей системы агур-ланд, коридоры. Интенсивно велась селекционная работа по созданию гибридов для степной полосы Юго-Востока.

Коллектив института земледелия имени В. В. Докучаева не боялся трудностей, не искал легких, проторенных дорожек. В 1926 год — особенный год в жизни Каменной степи. Гривнула тайга засуха, какой люди не знали и в самые «черные годы» — 1891 и 1941.

70 дней без единой капли дождя, температура доходила до 36,3° — посевы картофеля заглохли в земле.

Советская наука с честью вышла из сурового испытания, доказав, что при любых условиях могут быть гарантированы высокие и устойчивые урожаи.

Победа еще становится еще очевиднее, если учесть, что даже сейчас освоены далеко не все элементы комплекса Докучаева—Костычева—Вильямса, и в то время уже только-только оттрепали пушки, и недостаток чувствовался во всем.

После исторического постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б), наметившего грандиозный план преобразования природы нашей страны, проходит день без гостей. Только последние полтора года в институте побывало свыше 5 тысяч экскурсантов из всех республик и областей нашей страны. Агрономы, председатели колхозов, звеньевые, Герои Социалистического Труда... Словно зачарованные ходят они по лесам и полям института.

Я встретил здесь пожилого агронома, который стоял, полувзвешивая глаза, и что-то шептал, в подседы усами его дрожала улыбка. Можно было подумать, что старик слышал стихи, но нет, он пока что повторял сложенное другим иначею поэм, которую ему пред-доставили подвешивать вместе с десятками тысяч своих товарищей по науке и миллионами колхозников, по призыву ставших в ряды дерзновенных преобразователей природы. Название эпичес-ского сугубо прозаического: «1949 год — итоги борьбы коллектива инсти-тута за дальнейшее издвинение в жизни травопольной системы земледелия»... «то текст насыщенный подлинной поэзией сталинской эпохи.

Степи и лес! Метеорологические наблюдения показывают, что, про-йдя сквозь лесную полосу, ветер утрачивает 30—40 процентов своей силы. Это легко заметить и без приборов: в открытой степи ветер набрасывается на тебя со свистом, рвёт одежку, ахнул ты слез-пять глаза, а стоит уйти за полосу — и ветер уже не такой колючий: в прикосновениях его приятная влажность, прохлада леса. Лес! Недаром Докучаев назвал его «магмазин» и регулятором влаги. Иные он задерживает снега, летом дымит влагой его зеленокудрая листва.

Но при всех своих великих заслугах Каменная степь — это зелёная крепость, со всех сторон осаждаемая враждебными стихиями, душа же степанской палачи не оборона, а решительное наступление! Засу-ху, не мёртвые степи — зелёным колом обхватят их леса. Бывалые фронтовики сказали бы, что степи в 120 миллионов гектаров попадут в «котёл», из которого им не позволят ни проваться вперёд, ни от-ступить: они просто снесут, уступив место той, которую когда-то ступили под своей ситуацией одождной — красненью земле, богатой жизненными соками и щедрой на плодородие. Не поможет степям удержаться и их теперешний союзник, их штурмовая сила — суховой. Они разовьются о зелёную грудь лесных полей на месте разбей-ся. Сидящую полосу утихомирят их сосисы, и на окрешные поля не враг человека, а слуга, который будет передавать полям от лесов их прохладное, наставное кислородное дыхание. И как же изменится тогда все в степных краях!

В Каменной степи эта мысль — твой неразлучный спутник. Идешь и смотришь: колючую, удивительную многоголосую хором пернатых, а из-под твоих ног шаркающих в сторону зыб-белых или прямо над головой

ПОДЪЕЗДНАЯ И ВЪ

С именем великого Сталина наивысшая слава человечества. Вспомни-те эпоху колхозного движе-ния. Ему, мудрому вождю, обязаны миллионы крестьян и крестьян-скими переживаниями в их суд-бах, переживаниями, о которых можно было только мечтать.

Двадцать лет тому назад, на заре массового колхозного строи-тельства, мир услышал слова вождя, исполненные могучей арии в тос-ческие силы советского народа, говоря о чувствах национально-го-род-ности.

«Мы идём на всех парках» — писал И. В. Сталин 3 ноября 1929 года, — по пути индустри-зации — к социализму оставил позади нашу вековую «расеянность» отсталости.

Мы становимся страной метал-лической, страной автомобилизации, страной тракторизации.

И когда посадили СССР на авто-мобиль, бурная из трактора по-поробуют догнать нас почтенные капиталисты, Юнающиеся своей «цивилизацией». Мы ещё посмот-рим, какие на стран можно будет тогда «отправиться» в отсталый климат в переделыве.

В то год, был годом великого перевала на всех фронтах социали-стического строительства в нашей стране. Он знаменавал собой и по-ворот середины в сторону мохо-лого, начало массового индустри-дирования, что привело затем и к до-минированию кулачества как класса. По своим последствиям этот губитель-ный революционный переворот, который назывался «индустриализа-ция», означал революционному пере-вороту в октябре 1917 года.

История колхозного движе-ния стала великой Сталин. Твор-чик теории и практики колхозни-зации, он гениально разработал содержание и формы колхозного строительства.

Колхозный строй, рождённый партией Ленина—Сталина, великой силой, обновившей нашу деревню, стал великим делом. Сила деревня вышла на пороге эпохи в мире по технической осна-щённости сельского хозяйства. Пер-вое место в мире занимает Совет-ский Союз по производству зер-на, сахарной свёклы, подсолне-чного масла, других сельскохозяй-ственных культур. Колхозы и совхозы привлекают ныне к себе взоры миллионов масс крестьянства за-рубежных стран, видящих, что со-ветский земледельец избрал по-настоящему правильный путь к созданию, зажиточной и культу-рной жизни.

«Смена» предлагает вниманию своих читателей фотоматериалы жизни четырёх колхозов Ново-Титаровского района, Красноар-мейского края. Это обычные фото-графии из рядового района нашей страны. Подобные фотографии, рисующие сегодняшнюю сельскую действительность, несомненно мо-гут увидеть мы уже сейчас в нашей колхозной новине. Но тем не менее эти живые документы нашей эпохи не могут не вознотать мысль. В какой из формаль-но нетрудно различать зримые черты смену жизни. Вот перед нами группа сельских молочниц. На груди оне-ной и девушки горит орден и ме-дал — свидетельство честной ра-боты. Знатный крестьянин — явление, присущее только социалистиче-ской обществу. Советские колхоз-ники — не просто земледельцы. Они люди переловой науки, труда Да-вурин и Тимирязева, Вильямса и Мичурин стали на достояние Колхозный строй помо- крестьян-ну в его могучем духовном и куль-турном росте. «Многоты дорево-люционной жизни» канула в вечность. Советская деревня, с её собственным интеллигентом, ро-недатель творца и новаторов земле-делия, достигая каждым днём новых успехов, является неотъемлемой частью нашей жизни. Наша сельская молочница, вырос-шая в условиях социалистического общества, является неотъемлемой частью светлых и благородных пере-живаний.

Под солнцем Сталинской Кон-ституции с каждым днём обновляется советская деревня. С глубокой лю-бовью называет наше крестьянство имя дорогого вождя Сталина — организатора и создателя великой колхозной деревни.

ПОД СОЛНЦЕМ СТАЛИНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

В КОЛХОЗАХ НОВОТИТАРОВСКОГО РАЙОНА, КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

На снимках: 1. Старший прораб инженер-электрик Правдов И. Я. с проектом новой колхозной гидроэлектростанции. 2. В радиопункте колхоза имени Ворошилова. Дежурный радист Котляров Г. Ф. ведет трансляцию. 3. Зоотехник Капранова М. Г. и лучшая телатница колхоза «Большевик» Павленко В. И. проверяют состояние ухода за животными. Колхоз ещё в марте выполнил трехлетний государственный план по животноводству. 4. Знатная молодежь колхоза имени Кагановича: Чернявская В., Коротких В., Гречко Л., Марьяненко М., Бужал Н. (председатель колхоза), Строганова М., Пихова Д. и Толстых М. 5. Районный агроном Першина Т. Н. в лаборатории Новотитаровской государственной инспекции по качеству семян.

...В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРОЙДЕННОГО ПУТИ БОРЬБЫ И ЛИШЕНИЯ ПРИЯТНО И РАДОСТНО ИМЕТЬ СВОЮ КОНСТИТУЦИЮ, ТРАКТУЮЩУЮ О ПЛОДАХ НАШИХ ПОБЕД. ПРИЯТНО И РАДОСТНО ЗНАТЬ, ЗА ЧТО БИЛИСЬ НАШИ ЛЮДИ И КАК ОНИ ДОБИЛИСЬ ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОБЕДЫ.

И. СТАЛИН

На снимках: 6. На занятиях литературного кружка в колхозе имени Ворошилова. Руководитель кружка — библиотекарь Сафененко В. П. 7. Учительница математики и физики Лиховенко А. А. Она окончила Кирсановский педагогический институт и вернулась в родное село преподавать в той школе, где училась сама. 8. На сцене клуба колхоза «Комсомолец». Силами художественной самодеятельности колхозники поставили оперу «Запорожец за Дунаем». Роль Одары исполняет комсорг Нестеренко М. М., делегат XI съезда ВЛКСМ. 9. Духовой оркестр колхоза имени Ворошилова ведёт омередную репетицию. Диригирует Марченко И. К. 10. В доме колхозника Бородин М. И. из колхоза «Комсомолец», Молочная мать со своим сыном Вовой у пианино.

Фото М. Ганкина

закружат дикие утки, вспорхнувшие с просторной водной глади. И хотя за свою жизнь ты выдала немало взлётов диких уток — застывши от восхищения и долго будешь следить за их неторопливым полётом, а память подскажет тебе, что сравнительно недавно здесь реяли лишь хищные птицы, высматривав добычу в безбрежных просторах движущихся песков. И тогда ты поймёшь: всё окружающее тебя необычно и прекрасно именно потому, что земля, на которую ты ступил, переживает свой второе рождение. Здесь давно уже развевались злые чары «непокорных» степей, и земля открывается теперь взору человека во всей своей красе и цветении. Мелодные запахи трав манят к себе пчёл, и обласканным журавлям танцуют крачки, краковые, чирки, нырки... Так обнаживаются флора и фауна на маленьком, отовоанном о. степи острове. А что же в самом деле станет после того, когда по воле советских людей поднимутся леса от Каспия до Урала, то есть на территории, которая свободно выстилает на себе несколько европейских государств? Ведь станет-то это на когда-нибудь в отдалённом будущем, а на наших глазах — уже через 10—15 лет географам придётся потрудиться, чтобы переписать на карте в зелёный цвет юго-восток нашей Родины. Это знают все люди, прибывающие в Камениную степь, и поэтому они с таким восторгом рассматривают здесь всё, ибо то, что они видят, для них не только кость на змеиных институтах, но и «будет завтра у нас, в нашем колхозе», и не только так, а ещё краше.

Многие приезжающие часами простаивают возле Хораньской балки. Это — редкостное по своему омарованию место: дно балки — ковер из трав и цветов, а склоны её — сплошной, непролазный лес. От этой неотразимой красоты, огибающей кисти художники, колхозники перекидываются мысленно к своим землям, обезображенным оврагами с островами, будто расчерченными молниями, краями и крутыми обрывами. С каждым годом всё больше развораются эти чёрные пасти земли. Горе неосторожному человеку, который в занию пору ступит на укрупный суррогат край оврага, не успеет и вскрикнуть, как окажется где-то в дальней глубине, засыпанный землёй и снегом, и без посторонней помощи ему уже не выбраться. Талые воды смывают с соседних полей и уносят сюда жважительные соки почвы. Овраги были всегда вечным бедствием для крестьянства — были, но теперь уже не будут!

Прислушиваются колхозники к шуму леса, а в мыслях их молодые саженцы, которыми они по призыву вождя окружили овраги; пройдёт несколько лет, и корни возмужавших деревьев, крепче цемента, свяжут осыпающиеся края, прекратится эрозия, вздохнёт земля...

Недавно из московского Кремля
Мы слышали приказ о наступлении:
Идут леса оборонять поля
И воды охранять теннисной сенью.

И тот, кто, защитив свою страну,
Великий Сталин объявил войну
Губительным пескам и суховьям.

Из окон дома посреди Москвы,
Мы создаём чертёж лесного плана,
Мы слышим шелест будущей листвы,
Как отдалённый рокот океана.

Там, где легла на карте полоса,
Отмеченная краскою зелёной,
Пройдут тысячелетние леса —
Дубы, берёзы, лиственницы, клёны.

Защита них и полноводных рек,
Зелёные трепещущие своды...
Так в наши дни вступает человек
В свои права хозяина природы.

С. МАРШАК

Земля! Крестьянам давно известно, что она способна к самовозрождению, но для этого ей надо дать не менее пятнадцати лет отдыха; Вильямс, изучивший все стадии самовозрождения земли, снизил продолжительность этого отдыха до 2—3 лет, но и это время, по Вильямсу, не «гугуево»: в те годы, когда земля свободна от производства зерновых, она работает на животноводство, обеспечивая его обильным сочным кормом.

Ходят колхозники по полю, на котором только что отстояли многолетние травы. Некоторые бережно, словно слитки золота, держат на ладони комья земли — все они — сплошные сцепления мелких комочков — песчинки воды — поглощают без остатка.

Богатые урожаи сулит такая земля, а если её ещё удобрить! Ведь любое удобрение может проявить свою полную эффективность только на фоне полного и бесперебойного снабжения водой, то есть на структурной почве. Вот она, структурная почва, нет недостатка и в удобрениях, а вода! Достаточно ли той влаги, которую отдают сами леса и пруды! Не всегда, и поэтому в Камениной степи по воле человека идут дожди... Да, дожди, самые настоящие, и идут они при безоблачном небе, при паллящем солнце!

Я видел эти дождевые установки, очень несложные и доступные любому колхозному хозяйству: вода выпрыгивает из трубы и разбивается о крыло, падает на землю каплями.

Накануне отъезда из Камениной степи мы долго беседовали с милиционером Сухаревым — представителем нового поколения каменинцев.

Полны здесь испытываемые различные — по бороздам и дождеванию.

— Будущее же, несомненно, принадлежит дождеванию! — убеждённо заявил молодой учёный, в глаза его вдуло заскляя от улыбки: — Вы слышали о нашем море?

Я догадывался, что речь шла о громадном водоёме в Таловской балке, к строительству которого только что приступают, но он уже далеко вокруг известен под названием «Докучаевского моря».

— Эти воды дадут нам возможность сделать поливными 750 гектаров озимой и яровой пшеницы. Правда, работы с дождеванием очень трудоёмкие, но зато...

— Сколько же дадите?

— Центнеров семьдесят, — и слегка смущённый моим молчанием, он напоминает слова Вильямса, столь держащие в своё время и так близко понятные всем теперь: «Недалёк тот час, когда 100 центнеров с гектара будут средним урожаем моей родины».

Да, час этот близок! Поручу тому — великий сталинский план преобразования природы.

Воронежская область. Обширный вид возмужавших лесных полос. Научно-исследовательского института земледелия имени Докучаева.

НА ВСЮ СТРАНУ

Я никогда не знал, что есть такая профессия: сеточник. И вот однажды, осматривая бумажную фабрику, я познакомился с человеком, которого называли сеточником. Это был среднего роста мускулистый юноша в розовой майке и серых рабочих брюках. Непривычными шагами ходил он возле машины, напоминавшей фабрику, заключённую в одном просторном зале. На широком, беспрерывном двигающемся металлическом сетку лилась разбавленная водой серовесная масса... Юноша, казалось, ничего не делал, — только следил за тем, чтобы эта белесая масса всё время шла по нескондаемой сетке вперёд и вперёд... Впрочем, изредка он спешил к валам, где уплотнённая масса превращалась в бумагу.

Это было фантастическое зрелище! В одном месте на сетку лилось растёртое в порошок оловое дерево, а в другом конце на специальный вальс наматывались лоснящиеся бумаги. И этот молодой мастер совершал чудотворное: он отнимал бумагу...

Улучив минуту, я спросил сеточника:

— Почему вас называют сеточником, если вы следите за всей машиной?

— Не знаю, — ответил юноша. Нам трудно было, говорить — так громко пела машина. Она действительно пела. И ей подпевали молодые помощники сеточника — всеёвые, загорелые парни. Их взгляды были устремлены на сетку, на бесконечную белесую полосу рождающейся из воды и олового волокна бумаги...

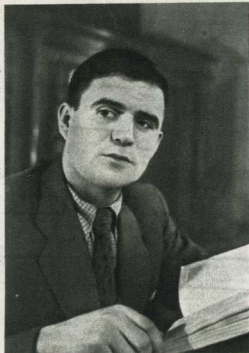
— Сложная и интересная у вас работа, — сказал я.

— И ответственность немалая, — отозвался сеточник. — На всю страну продукцию готовят. Всем бумага нужна. Знаете, какой у нас бумажных мастеров, контроль? — улынулся он. — Большого контроля не придумат. Продукция наша даже в Кресты идёт. Преправляют пишут на ней. А что, если товарищу Сталину наша бумага дадут? И она не подвизается? И вернёт он её обратно на фабрику с одним только словом: «плохая». Как же нам тогда друг на друга глядеть? Нет, бумагу надо делать такую, чтоб товарищ Сталин похвалился. Чтоб на нашей же бумаге он нам самое приятное писем не писал. Так, мол, и так: спасибо, товарищ рабочий, за хорошее качество.

Готовая бумага проходила между валов и делалась такой сухой, что szinte искорки вспыхивали на ней. Она сверкала... Она легко наматывалась на громадные катушки. Не было ни одного обрыва... И я ждал с том, чтобы сделать себе блокнот из такой бумаги... Как легко будет скользить по ней перо!

Машина пела, и юноши подпевали ей в такт, улыбаясь, глядя на то, как из воды и волокон рождается бумага...

Фёдор ЮВЧЕНКО

Я встретился с Михаилом Гончаренко в Киевском университете, в том небольшом, сером, стоящем несколько в стороне от главного корпуса здании, где помещаются все общественные организации.

Это было накануне праздника. Предвечернее ожидание шло по кругу. Через открытую форточку доносился звук оркестра, ретипирующего новый марш. Слышно было, как в коридоре кто-то кричит: «Гадите лестницу!». Комсомольцы вывешивали флаги, плакаты, лозунги. Затевались большой торжественный вечер и концерт самодеятельности.

Вся подготовка к празднику сосредоточивалась в руках студента 3-го курса философского факультета Михаила Гончаренко, заместителя секретаря партийного комитета.

Он легко находил фарватер в этом шумном студенческом море: вызывал нужных ему людей, проверял, утверждал, распределял обязанности.

Всё у него было точно, чётко, никакой неразберихи, никакой суматохи.

Я сказала ему об этом.

— Какая же у штурмана может быть неразбериха? Будь она у меня хоть раз в жизни, мы бы с вами теперь не разговаривали...

Михаил Гончаренко окончил школу-десятилетку в 1940 году в селе Пенянка, Сумской области. Почти все выпускники имели намерение учиться дальше. Летом только и разговоров было, куда ехать, где учиться, кем быть. Михаил Гончаренко решил идти учиться в пехотное училище.

— Куда тебе в пехоту? — смеялся над ним дедушка. — Будешь всю жизнь левофланговым. Иди лучше в агрономы.

Но Миша от принятого решения не отказался.

Он отправился в Мирополь, в военкомат.

Военком посмотрел на него внимательно и отложил вопрос: Мише не было полных восемнадцати лет.

Целый день провёл Миша Гончаренко в военкомате.

Военком несколько раз выходил из своего кабинета и всё примечал: стоит у дверей огромный мальчишка, не идёт домой, всё ждёт чего-то. К концу дня военком смылся.

— Заходи, — сказал он, открывая дверь в кабинет. — Вижу, парень ты настоящий. Пожидай, из тебя солдат выйдет. В строй ещё рано, а в военное училище в самый раз. В авиационное поедешь? Штурманом будешь.

СТАЛИНСКИЙ СТИПЕНДИАТ

Так Миша поступил в авиационное училище. Через год началось война. Его отправили в лётную часть на Волховский фронт.

Более трёх лет пробыл Гончаренко на фронте. Имей на своём счету 600 боевых вылетов, награды: ордена Красного Знамени и Отечественной войны 1-й степени, медали.

День Победы он встретил в госпитале.

Обидно было ему лежать в такое время, когда люди возвращаются домой, к мирной работе. Нужно же было, чтобы так не повезло!

Целый год находился на излечении старший лейтенант Гончаренко. Времени для дум было много, и он строил планы на будущее. Михаил Гончаренко мечтал о философском факультете университета.

С таким решением летом 1946 года Михаил Гончаренко вернулся к себе домой.

Вечером, когда родичи и соседи собрались в их хате, вышли за Сталина, за победу, за счастливое возвращение, брат матери сказал:

— Помнишь, Михаил, как ты собирался учиться только в той школе, где Сталин учителем будет? Ну как, нашёл ту школу?

— Да, я ту школу нашёл, — ответил Михаил. — Все мы ту школу нашли, хоть и в разных местах...

— Нашли, нашли! — воскликнула мать. — Адресов твоих той школы, сапож, и я теперь знаю. В первый класс поступаю.

Она торжественно и счастливо обела всех глазами и засмеялась.

— Нет, Наталья Кирилловна, — усмехнулся председатель колхоза. — Раз уж ты колхозный бригадир, считай, слала государственный экзамен. Только сын тебя всё равно обогнал.

...

Прошло два года. Михаил Гончаренко приехал, как обычно, на летние каникулы в родное село с подарками для матери.

— Ишь ты, студент! — сказала мать. — Откуда же у тебя деньги?

— Стипендия получил.

Она узнала, что её сын получает теперь Сталинскую стипендию и что дают её тем, кто учится лучше всех.

— От самого Сталина стипендию получаешь, — гордилась сыном мать. — Добре! Мне, может, от этого платок, что ты привёз, сто раз дороже.

Михаил обнял мать, и ему стало как-то по-особому тепло и радостно.

Пioneры у здания Новоудинской школы имени И. В. Сталина.

Через 15 лет...

В 1903 году здесь был в смысле товарищ Сталин. Он жил на самом краю села, в домике бабушки Литвинцевой, у подножья горы Китный. Одна сторона горы, обращённая к селу, покрыта снегами и горит на солнце, будто алмаз, другая — в чернотной тайге.

Рассказывают, что Иосиф Виссарионович любил взбираться на вершину горы и подолгу стоял здесь, глядя вдаль. Где-то там, далеко, далеко, за тайными тропами, за полями, за сыновьями людей реклами, была Россия, товарищи по борьбе, свобода...

Недалго товарищ Сталин в Новой Уде. В январе 1904 года Иосиф Виссарионович бежал из ссылки.

Вот здесь стоял домик бабушки Литвинцевой. Самого домика давно уж нет, но пионеры построили макет, который хранится теперь в Новоудинском музее имени И. В. Сталина. Там же хранится и другая реликвия — письмо пионеров Новой Уды Иосифу Виссарионовичу Сталину, написанное в 1934 году.

— Задумали мы написать товарищу Сталину письмо, — рассказывают участники этого события Мария Губадулина. — Но долго не могли решить, кто будет писать.

Спорили, спорили и сошлись на том, что каждый напишет сам от себя, а потом все письма соединят в одно. Так и сделали. Сколько волнений было! Дойдёт письмо или не дойдёт? Ведь дорога-то длинная! Но вот пришёл ответ. Товарищ Сталин благодарил за приветствие и прислал нам в подарок патефон и радиоприёмник. Письмо перешло из рук в руки: каждому хотелось самому коснуться этого дорогого послания.

«Вот он висит в музее, в застёгиванной раме, этот исторический документ, подписанный знакомыми Сталину пионерами».

«Надпись, — писал товарищ Сталин, — что успешно закончила учёбу и станет энергичным, знающим работником, какие необходимы для нашей страны...»

Пятнадцать лет прошло с тех пор. Но каждый из участников этого события на всю жизнь запомнил сталинские слова.

«Мы сидим с Анной Ивановой Яковной, учительницей Новоудинской школы имени Сталина, одним из авторов исторического письма».

— Вскоре после того как пришёл ответ от товарища Сталина, — рассказывает Анна Ивановна, — многочисленные пионеры пригласили нас к себе в гости. Проводили нас всем

селем, запрягли в телеги лучших коней. В Усть-Уде пересели на пароход, семь дней плыли вниз по Ангаре до Иркутска, оттуда поездом в Москву. Московские пионеры встречали нас с цветами, с музыкой. нас позвала к себе Надежда Константиновна Крупская. Долго беседовала с нами, а потом спросила, кто нам хочет быть. Разговор этот определил судьбы многих из нас. Я, например, тогда уже твёрдо решила стать учительницей. В Москве мы летали на самолёте. Стоим мы возле самолёта, а садиться страшно. Первым отказались Вани Купринины. Он сказал тогда: «Вот увидите, я стану офицером». И он действительно стал лётчиком.

Я окончила семилетнюю Новоудинскую школу, — продолжает

Сталину, — теперь учительница: Леона Подкорытова преподаёт в Иркутске, Клавда Самарина — в Коммунальной начальной школе, Надя Бахвалова заведует школой в селе Нога, Лена Голыгина руководит начальной буржуйской школой. Многие ребята стали офицерами Советской Армии.

Растёт новое поколение новоудинцев. К 70-летию Иосифа Виссарионовича учащиеся Новоудинской школы решили заложить фруктовый сад. И весной уже зашумели первой листвою деревья. Они ещё маленькие, но сад есть. Его разбили на пустыре, у подножья знаменитой Китной, за школой. Здесь растут абрикосы, яблони, сливы. Венуру сад берёза, ель, черёмуха.

Новоудинские семилетняя школа имени И. В. Сталина. Платошь возле школы у подножья горы Китный, куда любил подниматься товарищ Сталин. Здесь пионеры Новоудинской школы заложили весной нынешнего года сад имени Сталина. Садиком сделан в момент закладки сада.

Фото автора

Анна Ивановна, — затем учительские курсы в Черёмухе и первую учительствовать в маленькую деревушку Чичиново, что у Жигаловского тракта. Глухое место. А сколько детей из этой школы пошла в большую жизнь!

Семью из двенадцати девушек, подписавших письмо товарищу

«Далеко от больших городов тайное село Новая Уда. Но, как и в Москве, Сталинград, Киеве и Тбилиси, как и в любом уголке нашей великой Родины, и здесь растут стрелками коммунизма, хмелье советской земли».

Село Новая Уда. Д. ХРАБРОВ

Источник вдохновения

В 1946 году мне, тогда ещё только начинающей артистке, было поручено исполнение роли Зои в пьесе М. Анжера «Сназона о правде». Сначала мне повсюду я не справлялась с этой ролью, что она не по моим силам. Но чем больше я думала о Зое Иосифовне, тем, о её жизни, тем востановился передо мной благородный облик этой женщины. Мне стало очевидно, что сыграть Зою — это значит создать образ героя нашего времени, образ человека, вращающего партии, театральные Сталинские. В ушах у меня всё время звучали бесстрашные слова героини, сказанные ею перед смертью: «Сталин с нами!»

Я вспоминала, с какими непередаваемыми, глубокими смыслом прозвучали на фронте наши солдаты имя вождя! Я особо отчетливо ощутила, как едины в своих помыслах и стремлениях советские люди, составляющие одну семью, сталинскую семью.

Именно об этом, о том, что каждый советский человек является одним из членов этой многонациональной военной сталинской семьи, о том, что товарищ Сталин постоянно живет в наших сердцах, что его имя, самое родное и самое близкое из всех имен, помогает всем нам жить, бороться, работать, об этом я и хотела рассказать, когда я работала над образом Зои. Я горюшила, что в какой-то мере мне удалось это сделать. За исполнение роли Зои в спектакле «Сназона о правде» я была удостоена Сталинской премии 2-й степени.

Большинство людей, сыгравших мною, — это роли моих же сверстниц, девушек моего поколения, которые, как и наша Родина в дни Великой Отечественной войны, где бы они ни находились — на фронте или в тылу, — они всегда шли вперёд.

Сейчас я играю роль комсомолки ЦК ВЛКСМ Наташи в пьесе И. Ирошниковой «Где-то в Сибири». Действие пьесы происходит в дни войны на одном из уральских заводов. Наташа — высокомерная, принципиальная комсомолка, понимающая интересы и нужды своих товарищей. В одной из наших писем, говоря о комсомольцах, непотоптанных ребятах, только что пришедших на завод, Наташа так определяет свою задачу и задачу всех комсомольцев завода: «Мы должны научить их жить, и задушить всех комсомольцев завода».

Эти слова вдохновили меня на трудную работу над новой ролью. Имя РОДОНОВА, лауреат Сталинской премии, артистка Ленинградского театра имени Ленинского комсомола

Малют домик Литвинцевых, в котором жил И. В. Сталин во время своего пребывания в Новой Уде. Малют домик, сделанный руками пионеров, находится теперь в Новоудинском музее имени И. В. Сталина.

ДОРОЖЕ РЕЛИКВИИ

ДАР ДРУЖБЫ

Сергей Миронович Киров — вдохновенный трибун революции и любимец партии. Образ преданного сына большевистской партии, нашедшего в себе патриотизм, народный разум, Родины. С. М. Киров был верным другом и соратником великого Сталина. Никто не издает из памяти прощание новоязы слова Кирова о любимом вожде. Незадолго перед XVII съездом ВКП(б) Сергей Миронович так говорил о товарище Сталине:

«...Могучая воля, колоссальный организаторский талант этого человека обеспечили успехи партии в своевременное проведение больших исторических поворотов, связанных с победоносным строительством социализма».

В Музее С. М. Кирова на улице Красных Зорь в Ленинграде имеется книга, которую, как величайшую драгоценность, бережно хранил Сергей Миронович.

«И. Сталин. О Ленине и ленинизме» — напечатано на обложке.

На титульном листе книги рукой товарища Сталина написано: «Дружбу мою и брату ленинскому от товарища С. М. Кирова». Многочисленные посетители музея по долгу останавливаются перед этим трогательным даром дружбы величайшего человека современности своему ученику и близкому соратнику.

«БОДО» № 233

Этот телефонный аппарат «Бодо» № 233 в начале войны был установлен в Ставке Верховного Главнокомандующего. Переговору по этому аппарату с действующими фронтами и армиями вел лично Генералиссимус

Советского Союза товарищ Сталин.

После победоносного завершения Великой Отечественной войны аппарат был передан в Центральный музей Красной Армии.

О ЛЕНИНЕ И ЛЕНИНИЗМЕ

Титульный лист книги «О Ленине и ленинизме», подаренной И. В. Сталиным С. М. Кирову.

ПОДВИГ

Вся её короткая жизнь была проломом и ударом подруги. Ещё будучи шестнадцатилетней девушкой, она работала библиотекарем в селе Залесском. Любость и правдивому, большевистскому слову, стремление к тому, чтобы слово это стало как можно больше людей, были её второй натурой, её страстью.

В первый год, когда враг отбился на нас всей своей силой, Лиза Чайкина попала в плен. Её место среди бойцов. Она стала партизанкой, чтобы развить ватагу плутов. Но и там, в партизанском отряде, она оставалась пропагандистом. Не было такого призыва, на котором бы Лиза, усталая, не изнеможенно, изневерженно, иная и живительная, не получила бойцам свежий номер газеты, не рассказала о радостях вестей с Большой земли.

Когда партизанский отряд получил газету с речью И. В. Сталина на торжественном заседании Московского Совета, 6 ноября 1941 года, Лиза Чайкина пошла к сердцу, где она обещала правду, возмездия и билет. Она пошла по обаянию, чтобы повести народ к радостной весте: победа, в которой свет, надежда, победа.

Враги схватили её, мучили, но ту правду, которую она несла людям, они не могли заглушить, растоптать. Вот и сейчас в Музее этого烈士, на котором запечатлены исторические слова вождя, многих людей он поднял тогда на борьбу, многих умудрил путём к цели. Лиза стремилась, чтобы слово не стало пустым, чтобы все, Слово это бесмертно, как бесмертно и имя Лизы Чайкиной — человек, отдавшего свою жизнь народу, чтобы за счастье его и свободу.

ДОМ В СЕЛЕ ХОРОШЕВО

С гениальной проницательностью Верховный Главнокомандующий разгадал планы врага.

2 июля 1943 года товарищ И. В. Сталин предупредил командование войск на Орловско-Курском направлении о возможном наступлении гитлеровских войск с 3 по 6 июля.

Когда 5 июля немощно-фашистские войска крупно

выдающиеся победу советских войск.

В столице нашей Родины Москве был произведен первый артиллерийский салют в честь доблестных войск, освободивших Орёл и Белгород.

В эти дни товарищ Сталин находился в селе Хорошево, Рязанской области, в доме колхозницы Кондратьевой.

Сейчас в этом доме открыта

Манет дома в селе Хорошево.

ми силами перешли в наступление, они истощили совокупное сопротивление советских войск. В результате Курского стратегического советского боя, измотав и обескровив германские дивизии, прорвали фронт противника и сами перешли в наступление.

5 августа 1943 года советские войска освободили город Орёл и Белгород. Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин особым приказом отметил эту новую

библиотека-читальня имени Сталина.

В 1946 году на доме установлена мемориальная доска, на которой написано:

«8 дни Великой Отечественной войны Советского Союза 4-5 августа 1943 года в этом доме останавливался Верховный Главнокомандующий Генералиссимус Советского Союза Иосиф Виссарионович Сталин».

В Центральном музее Красной Армии есть манет этого дома.

В НОМЕРЕ:

Михаил Исаковский — Слово к товарищу Сталину.
Владимир Добровольский — В знак великой любви.
Осуществленная мечта — Фотогочери.
В. Лидин — Связь бурь.
Борис Поляков — Светом мира.
П. Ангелова — Слава Родины.
Н. Бирюков — Наступление.
Анна Караванова — Обещание.

Колхозная новь — Фотоочери.
С. Маршан — Стихи.
Фёдор Крайновский — На всю страну.
Т. Леонтьева — Сталинский стипендиат.
Д. Храбров — Через 15 лет...
Нина Родионова — Источники вдохновения.
Дорогие реликвии.
Николай Доризо — Шестнадцать пламенных знамен.

На первой странице обложки: портрет Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА. Цветные фото Н. Петрова. 1949 год.
На титульном листе — вывеска Сталина. Фотокомпозиция А. Житомирского.
На четвёртой странице обложки: «Комсомольцы на строительстве Москвы». Картина Г. Сатяга.
Формулирование номера В. Урина.

И. о. редактора — Г. Ершов.

Редколлегия: М. Асеев, Б. Войтехов, Е. Долматовский, Н. Жуков, М. Котов, А. Космодемьянский, Г. Кулиев, В. Лидин, Б. Полевая.

Адрес редакции: Москва, 40, ул. «Правды», 24. Тел. Д-3-34-24. А — 08568. Подписано к печати 17/ХП — 49 г. Заказ 3068. Тираж 73 000. Изд. № 908.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Николай ДОРИЗО

ШЕСТНАДЦАТЬ ПЛАМЕННЫХ ЗНАМЕН

Шестнадцать пламенных знамён
Горят у стен Кремля,
Над ними ясен небосклон,
Их видит вся земля.
Они шумят,
Озарены
Величием побед,
Республики моей страны.
Счастливые нас нет!
Шестнадцать золотых страниц
В истории земли,
Шестнадцать солнечных столиц,
Которые прошли
Сквозь ураган военных дней,
Сквозь лютые года,
Они вокруг Москвы моей
Сплотились навсегда.
Их тени Сталина спяда,
В огне войны сберёг...

Узбек в те годы защищал
Российский городок,
И, не жда последних сил,
Израильский свинцом,
Каказа русский выволок
Из боя под огнём.
Они прошли пути войны
От Волги до Карпат.
Вернулись в край родной земли
В салютах праздничной весны,
В сиянии наград.
Страна моя — цветущий сад,
Как флаг над ней, зари,
Хлеба склоняются, шумят —
Бескрайние моря.
Свой низкий золотой поклон
Шлют Сталину поля..
Шестнадцать пламенных знамён,
Счастливая земля!

